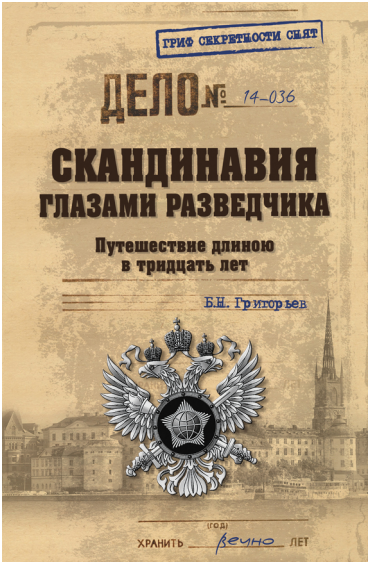

Борис Николаевич Григорьев
Скандинавия глазами разведчика.
Путешествие длиною в тридцать лет
Серия «Гриф секретности снят»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653492
Б. Н. Григорьев. Скандинавия глазами разведчика. Путешествие длиною в тридцать лет: ООО
«Издательство «Вече»»; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-2059-1, 978-5-4444-8163-9

Аннотация

Разведка кончается там, где стреляют. Для работы разведчику нужны ум, знания, устойчивая психика и любовь к своей Родине. Военно-прикладные знания и умения, несомненно, являются полезным подспорьем, но нужны главным образом военным разведчикам и специализированным разведподразделениям, действующим в конкретных боевых условиях.

Жизнь разведчика состоит из множества взаимосвязанных событий, факторов и деталей, и отобразить всё это многообразие в рамках одной книги вряд ли представляется возможным. Автор, на собственном оперативном опыте и на опыте коллег, пытался дать максимально объективную картину жизни сотрудника советской разведки 1960–1990 гг.

Содержание

От автора	5
Как попадают в разведку?	7
Исландская прелюдия	18
Дания	33
Пора в путь-дорогу!	34
Мечта идиота сбывается	38
По-датски говорить – два пуда соли съесть	43
Ближе к делу	45
Ещё ближе к делу	53
Романтическое путешествие на остров Борнхольм	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Борис Григорьев

Скандинавия глазами разведчика.

Путешествие длиною в тридцать лет

© Григорьев Б. Н., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

– Шведы – это скандинавские немцы, датчане – это скандинавские французы, а норвежцы – это скандинавские русские.

– А финны?

– Финны не скандинавы вовсе.

Из разговора досужих людей

От автора

Это – третье издание книги «Скандинавия с чёрного хода». В первых двух «отметились» «Центрполиграф» с «Мим-Дельта» (2002) и «Молодая гвардия» в варианте «Повседневная жизнь советского разведчика» (2004). Книга имела определённый успех у читателей и является одним из любимых созданий автора. Автор не приписывает её успех исключительно себе – большую роль в этом сыграла тема произведения – разведка. Десять с лишним лет тому назад она только начинала открываться перед читателями, и мало кому было известно, чем же на самом деле занималась советская разведка.

За прошедшее с тех пор время появилось достаточно много книг и телесериалов по этой тематике, но качество их, к великому сожалению, сильно уступает количеству. И в документальном, и в художественном жанре появилось много «развесистой клюквы», и в результате тему сильно скомпрометировали некомпетентные и недобросовестные авторы. Чтобы писать о разведке, не обязательно быть разведчиком, но таким авторам следовало хотя бы почитать мемуары разведчиков или встретиться с носителями разведывательной информации, а потом уже помещать свои «опусы» в реальную историческую обстановку. Одним словом, читатель слишком часто сталкивался то с беспредельной наивностью, то с надуманными сюжетами и ситуациями, а то и просто с вопиющей необразованностью, обильно одобренными автоматными очередями, пистолетными выстрелами, мордобоем, погонями, убийствами и потоками крови.

Между тем разведка кончается там, где стреляют. Для работы разведчику нужны мозги, знания, устойчивая психика и любовь к своей стране. Военно-прикладные знания и умения, несомненно, являются полезным подспорьем, но нужны главным образом военным разведчикам и специализированным разведподразделениям, действующим в конкретных боевых условиях.

Жизнь разведчика состоит из множества взаимосвязанных событий, факторов и деталей, и отобразить всё это многообразие в рамках одной книги вряд ли представляется возможным. Автор, основываясь на собственном оперативном опыте и на опыте коллег, пытался дать максимально объективную картину жизни сотрудника советской разведки 60–90-х годов, но вполне понятно, что элементы субъективизма полностью преодолеть не удалось. Собственный взгляд на прошлое и пережитое, а также несовершенство человеческой памяти неизбежно накладывают свой отпечаток.

Итак, читатель предупреждён, что ждать от этой книги сногсшибательных историй, экзотических приключений или смертельных схваток под знаком плаща и кинжала не следует. При написании этой книги автор также не ставил перед собой задачи стать мемуаристом. Меньше всего хотелось, чтобы книга напоминала «Записки разведчика», «Рассказы бойцов невидимого фронта», «Тридцать пять лет в строю» и т. п. Скорее, это своеобразный ностальгический историко-географическо-бытовой комментарий к скрывшейся за поворотом эпохе.

В текст книги, как и в предыдущих её изданиях, вкраплены фразы, названные автором *засоризмами*. Это выдержки из рубрики «Нарочно не придумаешь», позаимствованные из оперативных отчётов некоторых моих коллег, безвестно павших в борьбе с правилами русского языка. Засоризмы выделены курсивом и как бы перекликаются с основным текстом, по-своему комментируя его и дополняя.

В книге содержатся также экскурсы в историю Скандинавских стран, которые на первый взгляд прямого отношения к теме повествования не имеют. На самом деле история играет значительную роль в профессиональной деятельности разведчика и выступает в качестве незримого, но полноправного участника событий.

А нужна ли нам вообще разведка? В начале 90-х наши «демократы» утверждали, что с образованием новой России надобность в спецслужбах отпадает. Надо, говорили они, стремиться к общеевропейским ценностям; надо, мол, вступать в Европейский дом, в семью цивилизованных народов. Увлекаясь звонкой фразой, витийствуя с чужого голоса, «демократы», ставшие у «руля», начали безбоянно разбрасываться суверенитетом страны и её территориями. Патриотизм стал ругательным словом. Бюджет страны сравнился с бюджетом Нью-Йорка.

К чему это привело, известно всем. Выяснилось, что ни «друг» Гельмут, ни «друг» Билл приглашать нас в Европейский дом не торопились и распускать блок НАТО, как они устно (!) пообещали Главному Перестройщику, не только не собирались, но, наоборот, стали расширять его за счёт бывших членов Варшавского блока и республик СССР; что разведслужбы Запада не только не прекратили своей деятельности против России, но и усилили её многократно; что визовый режим по отношению к российским гражданам не только не отменили, но и ужесточили дополнительно. Россию перестали принимать в расчёт как великую державу, и югославские события наглядно продемонстрировали это.

Так что ответ на заданный нами вопрос дан временем и последующими событиями: разведке быть. Слава Богу, период расшатывания государства и раздиранья на груди рубях закончился. Запад нас образумил. Россия встала на ноги и уверенно смотрит вперёд. Да, конечно, в стране ещё много проблем, много преступности, коррупции, воровства на самом высоком уровне. Но главный вектор развития страны определён, и теперь всё зависит от нас, от нашей сознательности и нашего отношения к этим проблемам.

Перед страной появились новые внешнеполитические вызовы в лице международного терроризма, технической революции и экономической нестабильности. Запад, США и НАТО оказывают на нас колоссальное давление, пытаются сбить с избранного пути, и наращивают свои разведывательные и военные усилия. Без эффективно действующей разведки в этом противостоянии с «партнёрами» из Вашингтона и Брюсселя нам будет трудно выжить.

И разведке тут есть где проявить себя.

Москва, 20 декабря 2013 года

Как попадают в разведку?

А почему у нас разведчики, а у них – одни шпионы?
Вопрос из заднего ряда зала

Исторически разведка выросла из недр дипломатии. Ещё в XVIII и XIX веках каждый дипломат обязан был заниматься соглядатайством и сбором тайной информации, применяя любые доступные для него средства, включая подкуп, шантаж и вербовку агентов. Развитие общества и государства, усложнение административного и контрразведывательного режима привели к тому, что некоторые наиболее дальновидные правительства, как английское и французское, стали обзаводиться специальными разведывательными службами, оставляя своим дипломатам дипломатию. XX век ознаменовался бурным и повсеместным развитием разведывательных служб, в том числе и в России и Советском Союзе. К концу столетия разведка превратилась в глобальное занятие и стала неотъемлемой частью военно-политической надстройки большинства государств мира.

Разведка во все времена была закрытым клубом, и попасть в него так же сложно, как богатому пролезть сквозь игольное ушко. И это при том, что разведка – не синекюра, не привольное место для развлечений и приятного времяпрепровождения, а изнурительная рутина, тяжёлый труд по добыче одного грамма золота из тонн руды. В разведку на работу не *устраиваются*, в разведку *принимают* по приглашению или по рекомендации самой разведки.

Разведывательная служба, в отличие от других ведомств, добывающих информацию, занимается исключительно сбором и обработкой закрытой информации, хранящейся в секретных сейфах других государств и служб. Дипломаты, к примеру, собирают открытые сведения, используя официальные источники и официальных носителей информации. Оперативные сотрудники разведки тоже не гнушаются открытыми источниками информации, но она для них служит лишь фоном и направляющим вектором для добычи данных, которые классифицируются под различными грифами от «конфиденциально», «весьма конфиденциально», «секретно» до «совершенно секретно». Для преодоления естественных препятствий на пути к получению таких материалов разведка пользуется специфическими средствами и методами, которые, к примеру, министерству иностранных дел абсолютно несвойственны. Это в первую очередь агенты и средства оперативной техники.

Следовательно, вся деятельность разведки должна быть тщательно законспирирована от постороннего глаза, иначе это будет уже не разведка. Конспирируется не только сама разведывательная деятельность, но и её сотрудники, средства и методы достижения целей. О принадлежности того или иного сотрудника к разведывательной службе должна знать только служба, да и то ограниченная необходимостью и практической целесообразностью её небольшая часть. Поэтому конспирация в разведке начинается уже на стадии подбора для неё кадров. Этого основополагающего принципа придерживаются все разведки мира.

Основной контингент пополнения в Службу набирается из выпускников столичных вузов. Расскажу, как пришёл в разведку ваш покорный слуга.

Я учился тогда на последнем курсе переводческого факультета иняза. Однажды в перерыве между лекциями ко мне подошёл сокурсник Лёвка Белозёров и сказал, чтобы я зашёл к заместителю декана по кадрам Юдинцеву. С этим человеком за всё время учёбы мне пришлось столкнуться до этого всего один раз, и связано это было с первым знакомством с КГБ.

На втором или третьем курсе я по приглашению Володьки Соколова, знакомого студента из пединститута имени Ленина, посетил одну вечеринку, на которой присутствовал английский аспирант института Питер Реддауэй. Это был долговязый, разбитной, ражий малый, вполне сносно объяснявшийся по-русски, громко хохотавший при каждой удачной

или неудачной шутке и явно чувствовавший себя гвоздем программы. Время от времени в гостиную выплывала хозяйка квартиры, профессор, руководившая практикой заезжего аспиранта, чтобы проверить, не слишком ли зашалилась молодёжь, и тогда подданный Великобритании рассыпался перед ней в комплиментах и целовал ручку. Больше никаких экстравагантностей за ним в этот вечер замечено не было.

Дня через два-три после вечеринки меня вызвал к себе Юдинцев и попросил позвонить в КГБ. В те времена эта аббревиатура вызывала вполне понятные трепет и уважение и всеу никогда не произносилась. Я был удивлён: зачем я вдруг понадобился Комитету государственной безопасности? Юдинцев сказал, что мне всё объяснят. Я позвонил по полученному от него телефону, ответил мужской голос, звучавший вполне обыденно и реально. Он попросил меня подъехать в приёмную Комитета на Кузнецком Мосту, 26. Встретил меня неприметный мужчина неопределённого возраста и стал расспрашивать о той злополучной вечеринке и о том, как вёл себя на ней Питер Реддауэй. Я рассказал о своих скудных впечатлениях и был отпущен восвояси.

Эта история имела продолжение: некоторое время спустя центральные газеты сообщили о высылке из страны британского подданного Питера Реддауэя за несовместимую с целями его приезда в СССР деятельность. Ага, выходит, с нами рядом ходят шпионы, но наша доблестная контрразведка не спит. Потом на моём жизненном пути попадалась лишь фамилия англичанина и каждый раз в связи с его подрывной антисоветской деятельностью как сотрудника СИС, то есть британской разведки.

...Юдинцев и на этот раз был лаконичен и, как всегда, непроницаем. Он сделал характерный при затяжке сигареты прищур глаз и спросил, не хочу ли я после окончания института пойти работать в КГБ. Не скажу, что такое предложение пришлось мне по душе. КГБ представлялся мне неким тамплиерским орденом, мрачным и таинственным, из которого, войдя один раз, уже никогда не выйдешь. Кроме того, у меня уже было предложение от Министерства обороны поехать на два-три года переводчиком в Ирак для оказания арабам военно-технической помощи. Поездка сулила восточную экзотику и неплохой по тем временам заработок, на который можно было построить кооперативную квартиру для молодой семьи. Оформление в Ирак шло полным ходом через ГКЭС, и менять воробья в руке на какого-то журавля в небе резона не было.

– А что за работа предстоит в КГБ? – поинтересовался я.

– Работа интересная – с языком и с людьми, – пояснил Юдинцев.

Хорош ответ: с людьми и языком! Как будто переводчик иныа готовится к работе не с представителями рода *гомо сапиенс*, а с птицами или млекопитающими! Я задумался и спросил, как же быть с поездкой в Ирак. Юдинцев успокоил, что это не моя забота, всё будет улажено без меня. Я попросил дать время на размышление – нужно было посоветоваться с женой. В отличие от меня, жена отнеслась к новой перспективе положительно, а тесть высказал предположение, что на меня положила глаз разведка. Кстати, об этом догадывался и Лёвка Белозёров, но я ему не верил: я и разведка никак не сочетались вместе. Я не страдал от завышенной самооценки и полагал, что для работы в разведке необходимо обладать необыкновенными качествами, которые у меня наверняка отсутствовали.

Опять я получил номер телефона, начинавшийся с магического цифрового сочетания 224, и опять я позвонил и получил приглашение на Кузнецкий Мост, 26. После длительной беседы мне дали анкеты и направление на медицинскую комиссию, которую я проходил вместе с женой. В коридорах поликлиники КГБ я встретил ещё нескольких моих сокурсников и был удивлён довольно широким забросом невода кадровиками Комитета. После комиссии было сказано ждать, и я ждал. Недели через две-три позвонил знакомый кадровик и сообщил, что комиссию я не прошёл, потому что страдаю близорукостью. Минус две диоптрии на оба глаза, благоприобретённые при тусклом освещении в читальном зале Библиотеки

иностранной литературы имени разгульного атамана Степана Разина, враз отделили меня от «работы с людьми и языками». Не прошёл комиссию и расстроившийся Лёвка Белозёров.

Но я воспринял известие спокойно и даже как-то безразлично и опять зачастил в здание ГКЭС на Большой Садовой улице, дом 8, чтобы форсировать прерванное оформление в Ирак. На носу были государственные экзамены, времени на все эти дела было в обрез. Когда я уже сдавал госы¹, меня опять вызвали к Юдинцеву, и тот опять попросил меня позвонить кадровику Комитета. Зачем? Позвони, всё узнаешь.

Телефон начинался с тех же трёх цифр 224, только последние четыре были другими, и ответил мне уже другой мужской голос. Голос предлагал вернуться к вопросу о трудоустройстве в КГБ при тех же медицинских противопоказаниях к работе, обнаруженных месяцем раньше. Как так? А так, другое подразделение готово мириться с моей близорукостью, если я соглашусь работать в очках. Мне это показалось слегка обидным: «нормальное» подразделение от меня отказалось, а теперь меня хотят засунуть в какую-то дыру с дефективными очкариками. Человеку свойственно оглядываться иногда в своё прошлое, чтобы на расстоянии посмотреть на пройденный путь и попытаться мысленно отметить на нём основные вехи, рубежи, повороты, препятствия, которые в конечном итоге и образуют скелет нашей судьбы. Странно, но о существовании некоторых из них мы не подозреваем очень долго: то ли потому, что до сорока мы так торопимся жить, что не успеваем даже остановиться, то ли потому, что они прячутся от нас в придорожной пыли и потом явственно возникают на наших глазах, как только уляжется пыль; а чаще всего потому, что и на склоне своих лет нам тоже некогда осмыслить прожитое.

Оказывается, что самые незначительные на первый взгляд обстоятельства могут сыграть судьбоносную роль. Следуя им бессознательно, мы даже и не подозреваем о том, что делаем решающий выбор в нашей жизни.

Главный вектор в моей судьбе был задан учительницей немецкого языка Марией Васильевной Сигаевой. Я тогда перешёл в десятый класс сельской школы и всю готовился к поступлению в военно-морское училище. Жизнь свою без моря я не представлял, хотя морскую воду видел только в кино и на картинках. Плавать же хотел непременно на военных кораблях.

И случись же к этому времени беспрецедентное сокращение армии и флота, затеянное Главным Волонтаристом страны! Помните тысячи и тысячи высококвалифицированных офицеров, в одночасье уволенных из вооружённых сил для того, чтобы мирно трудиться на колхозных свинофермах или выращивать в Ярославской области кукурузу? Такая перспектива, признаться, мне мало улыбалась. С романтикой трудовых сельских будней был хорошо знаком с детства и твёрдо знал, что если хочу чего-то достигнуть в жизни, то из деревни надо бежать.

В это время наша «немка» вернулась из Москвы, где она находилась на летних курсах повышения квалификации, и в самых восторженных тонах стала рассказывать о прелестях обучения в инязе.

– Боря, язык тебе даётся легко. Сам бог велел поступать тебе на переводческий факультет, – уговаривала меня Мария Васильевна.

Долго уговаривать меня не пришлось. Профессия переводчика показалась мне не менее романтической, чем военного моряка.

Так при помощи головоуятия Никиты Сергеевича и по совету учительницы я в 1959 году поступил на переводческий факультет Первого Московского педагогического инсти-

¹ Государственные экзамены.

туда иностранных языков имени Мориса Тореза, расположенного в доме 38, что на Метростроевской улице (ныне Остоженка).

Через четыре года Вершитель Судеб спустил ещё одну важную для меня подсказку на землю, шепнув на ухо то ли самому Александру Сергеевичу Шейгаму, то ли его начальству, чтобы он, этот эпикуреец и жизнелюб, пожертвовал своим свободным временем и организовал для желающих факультативный курс шведского языка. Александр Сергеевич, преподаватель кафедры немецкого языка переводческого факультета, нашёл возможным принести на алтарь всеобща жертву и известил об этом в объявлении, вывешенном на доске деканата.

Набралось нас несколько человек, жаждающих познать на базе немецкого языка один из скандинавских диалектов. Прозанимались мы с Александром Сергеевичем не долго – кажется, и у него не хватило на нас терпения, и энтузиастов через пару недель поубавилось. Но для меня и того было достаточно, чтобы пуститься в самостоятельное увлекательное путешествие в непознанный мир Швеции.

Когда мне после окончания иныза предложили работу в разведке КГБ, мои знания шведского языка были достаточно высоко оценены тестирующим преподавателем, и в спецшколе КГБ № 101 я успешно продолжил изучение шведского языка с несравненной Надеждой Афанасьевной Лукашиной. Мы так с ней напряжённо и успешно занимались, что за один год нам удалось пройти весь курс и сдать экзамен за полные восемь семестров.

В конечном итоге я стал скандинавистом.

В течение тридцати с лишним лет я плыл по Варяжскому морю, не сворачивая никуда в сторону: четыре с половиной года проработал в Дании, столько же в Швеции, пятнадцать месяцев на Шпицбергене, съездил в краткосрочные командировки в Исландию и Норвегию, побывал в Финляндии. Мне повезло. Каждая из упомянутых командировок связана у меня только с приятными воспоминаниями, хотя не могу похвастаться, что всё было гладко и бесппроблемно. Я набивал на лбу шишки, портил отношения с начальством, подрывал свои шансы на быструю карьеру, но всё в конечном итоге как-то обходилось, устаканивалось, устраивалось. Сейчас я довольно отчётливо вижу свои промахи и просчёты, но признаю, что в те времена у меня не было шансов на то, чтобы их как-то избежать. Они были запрограммированы самим образом нашей жизни – непоседливым, (сум)бурным, безудержным началом, сидевшим в каждом из нас.

Наилучший возраст для определения своих способностей и призвания – шестьдесят лет. В этом возрасте уже точно знаешь, кем бы ты стал, если бы можно было начать всё сначала.

Не так жили и живут скандинавы. Они в хорошем смысле живут не только сегодняшним днём, как мы русские. Они живут мудро, размеренно, не спеша, в своё удовольствие и не наступая на ноги другим. Кто понял жизнь, спешить не будет. И за это я всех их – и датчан, и шведов, и норвежцев – где-то люблю, уважаю, по-хорошему им завидую. О своих впечатлениях от Скандинавских стран я и хотел бы поделиться с читателем. Пусть только меня простят уважаемые аборигены этих стран за то, что впечатления эти были добыты не в ходе праздной, туристической поездки, а в результате специальных разведывательных миссий. В известной мере они, эти впечатления, – побочный продукт моей основной профессиональной деятельности, которая в первую очередь предполагала широкое и по возможности глубокое знакомство с особенностями Дании или той же Швеции.

Итак, судьба сделала мне шикарный подарок, дав возможность на тридцать с лишним лет с головой окунуться в захватывающую работу в одном из важных и ответственных подразделений, рядом с порядочными и самоотверженными людьми, ставившими интересы страны выше собственных.

Кадровик сказал, что в соответствии с установленным порядком с будущим сотрудником должен познакомиться руководитель подразделения, в котором ему придётся работать.

Мне выписали пропуск, и в первый раз я вошёл в 5-й подъезд здания КГБ и на лифте поднялся на шестой этаж. В приёмной кабинета начальника сидела секретарша и доложила о моём приходе. Начальник был занят, но скоро освободился. От него вышел какой-то сотрудник с папкой в руках, а потом пригласили войти меня.

Окна просторного кабинета выходили на площадь Дзержинского, и, когда я вошёл, начальник, заложив руки за спину, стоял у окна и смотрел вниз на увертюру из снующих по кругу машин и молчал. Молчал и я, остановившись у дверей. Наконец молчание кончилось, начальник управления Михаил Степанович Цымбал повернулся ко мне лицом и пригласил сесть за приставной столик, а сам устроился в кресле напротив. Это был невысокий дородный мужчина лет пятидесяти пяти, с непроницаемым лицом и вальяжными манерами. Он начал меня спрашивать, я что-то отвечал, потом он говорил о сложности и ответственности предстоящей работы, а я внимательно слушал. Если бы меня сразу после беседы спросили, о чём шла речь, я бы затруднился с ответом. Я даже не понял, в каком же подразделении мне придётся работать и чем заниматься. Спрашивать об этом было не принято.

Репрессиям со стороны партии и правительства не подвергался, в белых армиях не служил.

Примерно такое же впечатление я вынес и с мандатной комиссии, последовавшей вскоре после беседы с Цымбалом М. С. Мандатная комиссия – это собрание опытных и мудрых сотрудников разведки, созываемая на период вербовочной кампании. Я уже думал, что бескончаемым собеседованиям пришёл конец, когда Юдинцев мне напомнил, что перед тем, как окончательно рассчитаться с институтом и пробежаться с обходным листом по коридорам, нужно было получить рекомендацию комитета ВЛКСМ. Это, конечно, уже была формальность, и по поводу того, что здесь могут встретиться подводные камни, я ничуть не переживал.

На заседание институтского комитета комсомола меня привёл Генка Анчифоров, секретарь нашей курсовой организации. Он оставил меня сидеть в предбаннике, а сам зашёл узнать, когда будет слушаться наш вопрос. Ждать пришлось недолго, Генкина голова высунулась в проём двери и кивком пригласила войти. Народу сидело человек пятнадцать. Анчифорову дали слово, и он начал зачитывать мою характеристику. Перечислив все положительные качества комсомольца Григорьева, он приблизился к основному месту, и я слегка насторожился. И не даром. «Комсомолец такой-то, – громко чеканя слова, читал Генка, – рекомендуется для работы в органах госбезопасности». Я чуть не упал со стула. Нам столько говорили о конспирации, нас так строго предупреждали о том, чтобы о предстоящей работе никто, кроме жены, не знал, что я был готов накинуться на нашего комсомольского вожака, заткнуть ему рот и... Все дружно, как ни в чём не бывало, будто такие рекомендации утверждали чуть ли не каждый день, подняли руки, и нас с Генкой выпустили наружу. Не обменявшись ни словом, мы разошлись с ним в разные стороны и больше никогда не встречались. Не хочу никого из членов комитета винить в разглашении служебной тайны, но позже убедился, что для многих, очень многих наш уход в Службу был тайной мадридского двора. Там, где тайну делят больше двух, тайна перестаёт быть таковой.

Это был первый прокол в хрупкой оболочке конспирации, так старательно раздуваемой вокруг кандидатов в разведчики. Хотя я ещё ни на шаг не приблизился к званию разведчика, но прокол этот воспринял довольно болезненно. Потом таких проколов будет больше, и воздушный шар конспирации сильно похудеет от них, но я уже привыкну и буду относиться к ним философски.

Примерно так – с некоторыми шероховатостями или без них – проходило оформление многих моих коллег на работу в разведку. Если Россия, по Гоголю, вышла из «Шинели», то

советская разведка – из выпускников вузов. Как уже можно догадаться, заместитель декана по кадрам Юдинцев не просто так сидел в своём скромном кабинетике, а наблюдал за каждым из нас, изучал наши моральные и деловые качества, прикидывал, который из нас годится на роль будущего сотрудника ПГУ – Первого главного управления КГБ, в ведении которого находились вопросы внешней разведки Советского Союза.

Значительная прослойка разведывательных кадров поступала из других подразделений КГБ, в том числе и из территориальных. Реже приходили молодые дипломаты из МИДа СССР. Ещё реже организовывался так называемый партийный набор из молодых партийных функционеров. На Старой площади считали, что ПГУ время от времени нужно укреплять кадрами, и направляли на площадь Дзержинского свой передовой отряд. Некоторые из этих ребят становились хорошими оперативниками и пользовались уважением коллег. Иные так и не смогли избавиться от своих партийных замашек и продолжали свою карьеру уже в рамках чекистско-партийной деятельности. Отношение оперативной массы к ним было скептическим. В результате укрепления рядов службы как такового, на мой взгляд, не происходило: кандидаты из партийных органов были не лучше и не хуже других, но поскольку КГБ считал себя тогда отрядом партии, то отказываться от таких подарков было не принято.

Какие требования предъявляются к кандидатам для работы в разведке? В первую очередь молодой человек проверяется на лояльность к своей родине. Важное значение имеет физическое и психическое состояние его здоровья, чистая, не запятанная криминальным прошлым биография, высокие моральные принципы и адекватная мотивация. Знаменитый разведчик Ким Филби называет пять качеств, необходимых для разведчика: дисциплина, терпение, внимание к деталям, выдержка и вера.

Список личных и деловых качеств, которые необходимы сотрудникам разведывательных служб, можно продолжить. Естественно, не каждый из сотрудников обладает полным их набором, да этого и не нужно. Вот взять, к примеру, такое качество, как склонность к авантюризму. В зависимости от ситуации эта человеческая особенность может принести крупный успех, и, наоборот, такое положительное качество, как природная осторожность, может сыграть с разведчиком злую шутку. Разведывательная работа не терпит шаблона и готовых рецептов. Есть какие-то определённые каноны, которые, однако, нужно применять творчески и не следует утрировать и доводить до абсурда. Базисный принцип любой работы – конспиративность – при желании тоже можно превратить в тормоз. Если последовательно его придерживаться, расширять и углублять до бесконечности, то окажется, что он, как зло-вредный вирус, постепенно «съест» саму разведку.

...Осенним хмурым августовским утром нас собрали в одном из дворов служебного квартала в Варсонофьевском переулке и на автобусе через всю Москву повезли по шоссе Энтузиастов за город. Проехав Балашиху, мы скоро остановились у массивных железных ворот, покрашенных в зелёную краску. Ворота закрипели, распахнулись, и автобус въехал на территорию 101-й школы КГБ, основанной в 1941 году для подготовки разведчиков-диверсантов, а со временем ставшей основной кузницей кадров для внешней разведки КГБ.

Докладываю: явился в ваше распоряжение согласно вашему распоряжению!

Сразу по прибытии всех новичков представили «дядькам», руководителям учебных отделений. Нашим «дядькой» стал полковник Толстиков Петр Игнатьевич, уже пожилой человек, лет шестидесяти. Его лоб пересекал шрам (бандитская пуля!), лицо было хмурым и неприветливым, как Ладога в непогоду, говорил он медленно и как-то весомо. Первое впе-

чатление от встречи с ним было не очень благоприятным, но оказалось обманчивым, и мы потом по достоинству оценили его добрую, заботливую и справедливую душу.

Нас разместили в деревянных, барачного типа, общежитиях по три человека в комнате. Моими соседями по комнате оказались питерец и мурманчанин, уже имевшие опыт контрразведывательной работы и потому считавшие меня «салагой». Они беззлобно надо мной посмеивались и разыгрывали, пугая сообщениями о том, что по окончании школы меня заберут на «нелегалку».

Времени до обеда было предостаточно, и мы пошли знакомиться с обстановкой, посмотрели на учебные корпуса, столовую, клуб, библиотеку, спортивный зал и спортивные площадки, обошли по тенистым дорожкам почти всю территорию и впечатлились её размерами и высоким деревянным забором, её со всех сторон окружавшим. И вдруг прямо под ноги нам упал футбольный мяч. Над забором показалась хулиганская мордаха какого-то местного хулигана Квакина и нахально потребовала:

– Эй вы, шпионы! Подайте-ка нам мяч!

Один из нас молча поднял мяч и перебросил его через забор. Квакин, не поблагодарив, исчез, и игра по ту сторону забора возобновилась. Мы пришли к единодушному выводу, что наша зашифровка оставляет желать лучшего. Но несмотря ни на что, она продолжала осуществляться по всем канонам жанра.

Нам всем присвоили псевдонимы, начинавшиеся с той же буквы, что и фамилии, и с этого момента мы вступили в круг посвящённых и стали играть в таинственную игру со своими таинственными правилами. Приходившие в адрес иногородних письма передавались руководителю учебного отделения, а тот уже раздавал их адресатам вложенными в конверты. Условия проживания в школе были казарменными, увольнения в город и домой случались раз в неделю по воскресеньям.

Времени на раскачку не было, и уже на следующий день начались занятия. Кроме специальных оперативных дисциплин, изучали страноведение, основы дипломатической службы, протокол и этикет, иностранные языки и политнауки. Учебное время делилось примерно поровну между спецдисциплинами и иностранным языком. Два месяца спустя мы в торжественной обстановке приняли присягу. ПГУ было военной организацией, и внутри её жизнь регулировалась воинскими уставами. Сотрудники разведки не носили форму и ходили в «партикулярном платье», общение между собой и с начальством было неформальным, но вместе с тем воинская дисциплина присутствовала, офицерские звания и оклады действовали неуклонно, приказы вышестоящего руководства не обсуждались, а принимались к исполнению.

Поскольку в моём дипломе уже значились два иностранных языка, я надеялся от изучения языка освободиться. Не тут-то было! Обнаружив владение мной третьим языком – шведским – на уровне трёх семестров, руководство школы поставило мне задачу довести эти знания до уровня восьми семестров. Приходилось «вкалывать», как и всем другим. Преподаватель шведского языка Надежда Афанасьевна Лукашина много сделала для того, чтобы поставленная задача была выполнена. Задним числом понимаю, что руководство 101-й школы поступило мудро, загрузив меня по уши учёбой и лишив почвы для возникновения дурных наклонностей.

Теоретические знания мы получали на лекциях и из учебных пособий, практические навыки приобретались на семинарах и отрабатывались на городских занятиях – зимой и летом. С каждым днём мы всё глубже погружались в дотоле неизвестный мир и всё больше проникались важностью нового ремесла. Романтические представления о сути разведывательной работы шокирующим образом разбивались о грубую прозаическую реальность. Мы поняли, что о белых перчатках нужно было напрочь забыть – так же, как об общепринятых

принципах морали. На первый план выходило понятие государственной необходимости. Ей подчинялся и своеобразный кодекс чести разведчика-офицера.

Городские занятия требовали тщательной подготовки, которая проходила без отрыва от учебного процесса. Это, конечно, сказывалось на их качестве, потому что времени на изучение города и подбор нужных мест для встреч, проверочных маршрутов и оперативно-технических мероприятий совершенно не хватало. Приходилось жертвовать единственным свободным днём – воскресеньем.

На городских занятиях пришлось впервые почувствовать терпкий (при)вкус оперативно-разведывательной работы. Мы все играли в сотрудников с дипломатическим прикрытием. Нашими противниками выступали боевые бригады наружного наблюдения 7-го Управления КГБ, работавшие за иностранными разведчиками. В роли источников и агентов выступали приватные преподаватели – отставные полковники разведки. В соответствии с полученными теоретическими знаниями и условностями игры мы должны были получать от них информацию, склонять к сотрудничеству и «воспитывать» в нужном направлении, а они – оценивать наши действия и в зависимости от этого корректировать свои: разыгрывать роль жадных до денег «липачей», подсовывать заведомо недостоверную информацию, опаздывать и срывать встречи, саботировать выполнение поручений. Встречи с «источниками» проводились в ресторанах, в которых мы за свой счёт угощали их водочкой или вином, цыплятами табака и салатами оливье. После каждой встречи мы писали подробные отчёты, которые потом Пётр Игнатьевич сопоставлял с отчётами «приватов». Разборы были честными, справедливыми, нелицеприятными и исчерпывающими.

На городских занятиях, как и в боевой работе, естественно, не обходилось без ЧП и накладок. Происходили и забавные ситуации.

По условиям игры мне нужно было провести тайниковую операцию под наружным наблюдением. В боевых условиях изымать или закладывать тайник на глазах у филёров приходится в случае крайней необходимости, когда дело значительно перевешивает личную безопасность разведчика. Спецшкола готовила нас и к таким превратностям судьбы. Мой тайник был подобран в здании редакции газеты «Правда» в подвальном переходе от служебных кабинетов к пищеблоку. Контейнер, в котором была закамуфлирована «важная информация» в непроявленной плёнке, представлял собой самодельный картонный указатель-стрелку с приглашающей надписью «В столовую». Мой коллега по учебному отделению должен был повесить этот указатель на стене коридора, а мне предстояло его бесшумно и незаметно снять. Задумка показалась мне благородной: нужно было помочь проголодавшимся сотрудникам партийной прессы побыстрее добраться до источника питания.

В день операции «наружка» исправно топала за мной по проверочному маршруту, дыша чуть не в затылок, я менял виды транспорта и неуклонно приближался к заветному месту. У редакции «Правды» я вышел из троллейбуса и, не останавливаясь, направился к тайнику. Для бригады наружного наблюдения такой маневр предугадать было трудно, срабатывать на опережение было невозможно, так что ей пришлось пустить своего сотрудника вслед за мной. Этого мне и было нужно. Я топал по цементному полу перехода, и мои шаги гулко отзывались в ушах. Такие же шаги раздавались за спиной – слежка не отставала.

Когда я подошёл к тайнику, то увидел, что прямо рядом с табличкой поставлен табурет, а на табурете сидел пожилой то ли охранник, то ли сторож. Это был сюрприз! Две недели тому назад, когда я подобрал это место, здесь никого не было. Что делать? Шаги за спиной неумолимо приближались, надо было на что-то решаться. И я решился. Напустив на себя самый безразличный вид, я приблизился к табличке и на глазах изумлённого вахтёра спокойно сорвал её со стены и положил за пазуху.

– Ты что... ты зачем? – завопил вахтёр. – Добрые люди повесили, а ты филиоганишь!

Но я уже не слушал его и бежал к выходу. На разборах «полётов» Толстиков об этом инциденте ничего не упомянул, а я, естественно, проявлять инициативу не стал, но вывод на будущее сделал.

С одним моим сокурсником по школе произошёл ещё более комичный случай. П. И. Толстиков объявил, что во время городских занятий один из нас будет «продан» и отдан «наружке» на съедение, то есть его место и время операции станет известным «противнику». По правилам игры «противник» должен организовать захват разведчика с поличным. Кто станет жертвой сговора и когда это произойдёт, никто не знал. Все выходили в город с тревожным чувством ожидания этого рокового события, что делало учебные занятия ещё более похожими на боевую работу. Это называлось учиться «в условиях, приближённых к боевым».

Итак, наш товарищ из Петрозаводска отправился на тайниковую операцию. Ему, как и мне в вышеописанном случае, предстояло изъять тайник, который сам лично подобрал. В качестве контейнера петрозаводчанин выбрал силикатный кирпич, который его напарник заложил в каком-то проходном дворе.

Убедившись в отсутствии слежки, петрозаводчанин прибыл на место и приготовился изымать контейнер. Когда он с некоторыми усилиями выколупал кирпич из стены и приготовился опустить его в сумку, до его слуха донёсся скрежет автомобильных тормозов. Он оглянулся и увидел, как из подъехавшей «Волги» посыпались молодые, крепкого спортивного телосложения люди. Они молча и сосредоточенно бежали к нему. Сомнений не было – это были сотрудники наружного наблюдения, которые знали место и время операции задолго до того, как наш бедный слушатель вышел на проверочный маршрут. Времени на размышление не было, нужно было избавляться от улики. Так нас учили в 101-й школе.

Когда можно было различить даже цвет глаз приближавшихся «наружников», наш бедолага широким движением правой руки отбросил контейнер куда-то в сторону. Раздался женский крик и стоны:

– Караул!! Убивают ни за что!

Он оглянулся и увидел, что неподалёку, поверженная силикатным изделием наземь, лежала старушка. В руках она крепко держала авоську, из которой высыпались несколько картофелин, две свёколки и одна морковка. Старушка возвращалась из овощного магазина своим излюбленным проходнячком, неожиданно превратившимся в место оперативных разборок.

– Ты что же, подлец, делаешь? – закричал один из «наружников», заламывая слушателю руки за спину. – Калечишь невинных прохожих?

«Наружник» помог бабушке подняться на ноги.

– Не бойся, бабушка, – приговаривал он, отряхивая её одежку и подбирая обронённые овощи, – мы его сейчас приструним. Мы не позволим ему нападать на простых советских пенсионеров.

– Уж вы с него, внуки, поостороже спросите, поостороже! – говорила успокоенная бабушка и поковыляла домой. – А то ишь взяли свободу, флюганы подзаборные!

Бабка ушла, и петрозаводчанин остался один на один с «противником».

– А это что такое? – спросил его первый, что заламывал руки, – вероятно, старший бригады, – и сунул ему под нос злосчастный контейнер.

– Кирпич – что же вы не видите?

– Вот именно кирпич, вещественное доказательство покушения на прохожих. Мы его прихватим с собой, а заодно с ним – и тебя. Поехали в участок.

Два «наружника» подхватили петрозаводчанина под руки и повели к машине. Старший шёл сзади с кирпичом в руке, торжественно демонстрируя его всем любопытным.

– Ещё одного схватили, – прокомментировал задержание проходящий мимо старичок. – Очень похож на того бугая, который прошлой зимой снял с меня шапку.

Хорошо, что вся процессия уже садилась в машину и не слышала этих слов, иначе история криминальных деяний задержанного обогатилась бы ещё одним важным эпизодом.

Повезли задержанного, конечно, не в милицейский участок, а на конспиративную квартиру бригады, и там ему учинили пристрастный допрос. Первым делом попросили предъявить документы, расспросили о месте работы и жительства и, естественно, выявили массу нестыковок в легенде слушателя. Как говорил один из персонажей в фильме Эйзенштейна «Александр Невский», кольчужка оказалась коротка. Наш петрозаводчанин был тёртый калач, он отчаянно защищался, но факты упрямая вещь: упрутся в тебя рогами, словно корова, и никуда от них не отвертишься.

Потом приступили к изучению контейнера и быстро сообразили, что внутри кирпича что-то есть. Расковыряли кирпич, извлекли из него непроявленную плёнку и стали «клеить» ему шпионаж в пользу иностранной державы. Жертва сговора утверждала, что кирпич видит в первый раз в своей жизни. Тогда оскорблённые «милиционеры» стали обвинять его в клевете на «советскую милицию» – ведь получается, что это они подсунили ему кирпич, в то время как они собственными глазами видели, как он им хотел убить бабушку.

Время шло, допрос продолжался, но было видно, что рвение у «наружников» поубавилось и начатая несколько часов назад игра уже не казалась такой развлекательной. Тогда они позвонили Петру Игнатьевичу, который как-то странно быстро приехал и забрал своего слушателя домой. На разборе «дядька» похвалил его за стойкость и выдержку, но покритиковал за недоработки в легенде. Петрозаводчанин не возражал: он, как и все мы, знал, что это была не его вина, а беда. Легенда строилась с учётом реальностей, а реальность была такова, что глубокой зашифровкой слушателей спецшкола не занималась, да в этом и не было необходимости.

Учебный год кончался. Мы закончили практические занятия в городе и приступили к сдаче государственных экзаменов. Потом был выпускной вечер, на котором присутствовал начальник разведки генерал-лейтенант Сахаровский А. М. Это был умный и дальновидный руководитель, внимательный к подчинённым начальник, доступный в обращении и добрый человек. При нём разведка получила своё бурное развитие и добилась блестящих результатов. К концу учёбы я уже знал, что работать пойду в самое засекреченное подразделение – Управление «С», и испытывал внутреннюю гордость. После месячного отпуска я, младший лейтенант и младший оперуполномоченный, как первоклассник, с бьющимся от волнения сердцем 1 сентября поднялся на 6-й этаж известного здания. Начальник европейского направления Георгий Михайлович Соколов долго рассказывал, чем занимается отдел и в чём будут заключаться мои обязанности. Для быстрого вхождения в курс дела мне предложили типовой план, рассчитанный чуть ли не на целый год.

Меня сразу «посадили» на скандинавские дела. На первых порах пришлось много читать, чтобы понять смысл того, что называется документацией нелегала. Опытный сотрудник направления скандинавист Снигирёв Г. С. стал моим неформальным наставником. Первое время «ученичества» я был у него на подхвате: составлял обзорные справки, делал переводы со скандинавских языков на русский, приводил в порядок оперативные дела, подшивал их и сдавал в архив. Главным и самым острым оружием для меня стала большая сапожная игла, которой я прошивал насквозь том дела, зажатый тисками в специальном станке.

Забегая вперёд, скажу: я проработал шестнадцать лет в отделе документации, поделив это время между двумя длительными, несколькими короткими командировками и работой в центральном аппарате. Потом меня перевели в отдел подготовки спецконтингента, затем – в региональный отдел, где я уже непосредственно руководил работой выведенных

за кордон нелегальных разведчиков. После этого была ещё командировка на Шпицберген по линии политической разведки, преподавательская деятельность в Краснознамённом институте и работа по взаимодействию с иностранными разведками в Управлении внешних связей, пока не наступило время увольнения на «заслуженный отпуск». Тридцать с лишним лет промелькнули как один день, потому что некогда было остановиться и поразмышлять о смысле жизни. Мы были молоды, полны энтузиазма и желания сделать как можно больше для безопасности страны, и мы торопились жить и выпить сполна чашу жизни...

Я с благодарностью вспоминаю теперь годы, проведенные в разведке ПГУ и СВР. В Службе господствовала удивительная атмосфера гармонии, благожелательности и творчества. Вероятно, именно это называется духом корпоративности. Немудрено, что мы, погрузившись в профессию, плоховато знали советскую и постсоветскую действительность, и когда уволились на пенсию, то многие из нас столкнулись с непреодолимыми проблемами.

Мне повезло: ещё находясь на службе, я написал свою первую книгу «Иуда из Ясенева». Тут моим наставником снова стал мой коллега-пенсионер Виталий Чернявский, отредактировавший мой первый опус и помогший его опубликовать. Успех её и положительные отклики у коллег послужили импульсом для моих последующих литературных занятий. Жизнь снова приобретала смысл, а неограниченная свобода наполнялась новым содержанием, новыми ожиданиями, хлопотами и новыми открытиями.

...Итак, дорогой читатель, приглашаю тебя в путешествие по Исландии, Дании, Швеции и Шпицбергену, а в перерывах между поездками будем устраивать своеобразный отдых и говорить на некоторые злободневные и не очень злободневные темы.

Исландская прелюдия

...Нет правил для описания путешествий...

И. А. Гончаров

В Скандинавию я первый раз попал, если можно так выразиться, не через парадную дверь, а через заднюю калитку. Нет, я не был заброшен на чужую территорию с подводной лодки. Я получил штампель о въезде в новенький дипломатический паспорт, но «чистым» дипломатом, конечно, не был. В этом была своя – независимая от моей воли – профессиональная логика. И воспользовавшись дипломатическим прикрытием, я начал своё знакомство с уцелевшими остатками той «Викинголандии», которая на своей прародине не так уж ощутимо даёт о себе знать.

Я проработал в отделе два года, когда руководство отдела сочло необходимым, а главное, возможным направить меня в рекогносцировочную поездку в Исландию и Норвегию. Отдел, в который я попал после спецшколы, был в управлении функциональным и занимался всеми странами мира. Конец 60-х совпал с периодом бурного развития разведывательной службы, открытия новых резидентур и освоения новых регионов. Не остался в стороне от этой экспансии и наш отдел, который за время своего существования почти исчерпал свои оперативные возможности в традиционно-излюбленных странах и нуждался в свежих идеях и методах. Разведка, как и всё народное хозяйство, двигалась по пути экстенсивного развития.

Это не факт, это было на самом деле.

Мои товарищи по другим направлениям работы активно осваивали недавно появившиеся на карте самостоятельные государства Азии и Африки, и многие из них уже побывали кто в Бурунди, кто в Того, кто в Тунисе или на Мадагаскаре. Как правило, во всех этих странах уже были созданы резидентуры, но нога представителя нашего отдела и управления там ещё не ступала.

Это была благословенная пора для подобных путешествий! Страна стала в больших количествах получать нефтедоллары, и начальнику финотдела ПГУ не приходилось трястись над каждой копеечкой, приберегая её в основном для загранпоездок высокого начальства, как это вошло в правило во времена перестройки и последующих глубоких общественных и социальных потрясений.

Активным застрельщиком всей этой глоубтроттерской² деятельности был начальник отдела Павел Георгиевич Громушкин, проработавший в одном и том же подразделении аж со времён самого Шпигельгласа³ и начинавший свою карьеру с самых оперативных низов. В моём представлении конец 1930-х был таким отдалённым историческим пластом, который сливался и пропадал за временным горизонтом Рождества Христова. Поэтому Павел Георгиевич выглядел в моих глазах легендарной, почти мифической фигурой, сравнимой лишь с каким-нибудь героем времён осады Трои. Он видел великих нелегалов Быстролётова, Короткова, Аксельрода, Ахмерова, Зарубина, сталкивался по работе с талантливыми оперативниками Агаянцем, Эйтингтоном, Судоплатовым, Серебрянским, Орловым и др.

Не окончив ни гимназий, ни университетов, Павел Георгиевич был настоящим русским самородком, способным широко, по-государственному мыслить, воспринимать всё новое и

² Глоубтроттер – название старого и популярного во всём мире бюро путешествий.

³ Шпигельглас – один из руководителей разведки НКВД в 1930-х годах.

брать его на вооружение, разбираться в людях и уметь мобилизовывать их на достижение результатов. Только начальником отдела ПзГэ (так его звали в управлении «С») проработал более двух десятков лет и крепко сидел в своём начальственном кресле при всех руководителях управления, разведки и председателях КГБ. Он уверенной рукой вёл корабль по курсу, который сам определял и тщательно контролировал, держа нос по ветру. В известном смысле можно было, подобно французскому королю, говорить перефразированными словами, что отдел – это Павел Георгиевич. Официальное название нашего отдела не вызывало у большинства сотрудников ПГУ никаких ассоциаций, но достаточно было упомянуть, что его начальником был Павел Георгиевич, всем всё становилось ясно.

В нашем европейском направлении найти «целинные» страны было достаточно сложно – старушка Европа изъезжена и истоптана всеми разведками мира вдоль и поперёк. И всё же одна такая страна была найдена. Ею оказалась далёкая и загадочная Исландия.

– До войны и сразу после войны мы использовали возможности Скандинавских стран в наших оперативных целях, а вот последнее время как-то подзабыли о них. Сказались увлечение другими регионами и нехватка квалифицированных специалистов со знанием скандинавских языков, – заключил Павел Георгиевич, обращаясь скорее к начальнику направления Георгию Михайловичу Соколову, чем ко мне, желторотому оперу. Он вызвал меня к себе вместе с «направленцем», чтобы предварительно обсудить мою краткосрочную командировку. – А вот Исландия для нас совершенно неизвестна. Надо съездить, посмотреть. Заодно и обкатку пройдёшь, – заключил он, обращаясь уже ко мне.

Я сидел, не чуя под собой стула и не пропуская ни одного слова, вылетавшего из слегка косноязычных уст начальника. Примерно так, вероятно, чувствовал себя Колумб, стоя на коленях перед испанским королём, формулировавшим для него задание перед отправкой в кругосветное путешествие. Неужели и я дожил до того момента, когда загляну по ту сторону «бугра», за которым скрывается прекрасная неизвестность, обещающая славу, почёт и успех? Как и все начинающие молодые оперработники, я буквально горел желанием побыстрее испытать себя в каком-нибудь хоть маленьком деле.

Начальство отпустило меня в Исландию на две недели! Сразу после беседы у ПзГэ я приступил к подготовке к командировке: проштудировал всё, что было в отделе и управлении, покопался в общей и оперативной библиотеке, постажировался в других подразделениях, «скроил» и «примерил» на себя легенду мидовского работника.

Отъезд из Москвы был намечен на первую декаду декабря 1968 года. По пути в исландскую столицу предстояло сделать пересадку в Копенгагене. Дания, бывшая колониальная владелица Исландии, взяла теперь на себя роль старшей сестры, по-прежнему ревниво следившей за контактами со Страной гейзеров и вулканов. Между обеими столицами была налажена регулярная авиалиния, обслуживаемая исландской компанией «Лофтлейдир». Услугами этой фирмы традиционно пользовались советские дипломаты, дипкурьеры и командированные. Когда в Рейкьявик летели курьеры, то нашим посольством в Копенгагене закупались авиабилеты не только для них, но и для дипломатического багажа – обычно на два-три места. Багаж грузился не в багажное отделение, а заносился обычно в салон и воодружался на кресла рядом с сиденьями курьеров. В копенгагенском отделении «Лофтлейдира» к этим странностям русских привыкли, и билеты для неодушевлённого дипломатического груза продавались безропотно. Всё равно самолёт летал полупустым.

Исландия тогда закупала в Советском Союзе нефть и нефтяные продукты, приглашала к себе советских гидростроителей и расплачивалась за всё своей знаменитой треской и селёдкой. Большие заголовки в мировой прессе сделала тогдашняя тресковая война Исландии с Великобританией, и симпатии советских людей были однозначно на стороне гордых исландцев, отстаивавших своё право на выживание. Рыбная продукция – основа экономики страны, рыболовство – главное занятие исландцев.

...Самолёт «Аэрофлота» приземлился в Каструпе где-то во второй половине дня, и над городом уже спускались сумерки. В транзитном зале, где нужно было дожидаться самолёта на Рейкьявик, была запланирована встреча с представителем нашего отдела в составе копенгагенской резидентуры Олегом Гордиевским. В Центре я «сидел» на Скандинавских странах и курировал его работу. Я успел уже познакомиться с ним лично в 1967 году во время его приезда в очередной отпуск. Кажется, в этот момент он ещё не стал предателем.

В моём распоряжении было не менее пяти часов, и в голову закрадывалась крамольная мысль о том, как бы было здорово использовать это время на хотя бы мимолётное знакомство с датской столицей. И. Гончаров, проплывая на фрегате «Паллада» через Эресунн мимо Копенгагена, страшно расстроился из-за того, что шторм помешал ему сойти на берег. Не попал в датскую столицу по какой-то случайности и Н. Карамзин. Неужели мне тоже не повезёт, как не повезло в своё время моим маститым соотечественникам?

Гордиевский встретил меня у трапа самолёта и тут же представил маленькому тщедушному пожилому человечку, напоминавшему нахохлившегося воробья, по чужой воле оказавшегося в клетке. Это был посол СССР в Дании В. Орлов, прибывший в аэропорт, чтобы встретить какого-то важного гостя из Москвы. До назначения в Копенгаген Орлов долго был не у дел в Москве, никуда не выезжая, пока не был востребован кем-то на Старой площади для Дании. А вообще-то он имел довольно громкое прошлое и оставил свой след в советской дипломатии.

Орлов встретил своего гостя и тут же удалился. Гордиевский поспешил вслед за послом, успев, однако, предупредить меня о том, что скоро вернётся и найдёт меня в транзитном зале.

Ждать пришлось недолго. Гордиевский появился в транзитном зале минут через пятнадцать.

– Всё, я освободился и нахожусь в твоём распоряжении. Когда отлетает самолёт в Рейкьявик?

Я назвал время.

– Ну что ж, у нас есть время прокатиться по вечернему городу и заехать ко мне на Тагенсвай перекусить.

– Как так? – Мне показалось, что я ослышался.

– А очень просто. Я договорился тут с иммиграционным начальником о том, чтобы тебе сделали транзитную визу для выхода в город.

– Здорово. Поехали, не будем терять время.

От Каструпа, расположенного на полуострове Амагер, до центра Копенгагена мы доехали за какие-нибудь двадцать минут. Датская столица по сравнению с Москвой выглядела поистине сказочным городом. До рождественских праздников оставалось чуть ли не три недели, а Копенгаген уже сверкал морем огней, искрился на морозном воздухе гирляндами, венками, ёлочными украшениями, подсвечивался хитроумными прожекторами и тонул в умопомрачительных витринах, в которых в обязательном порядке были выставлены красный Дед Мороз, венки с словыми шишками, свечи. Улицы буквально дышали довольством, умиротворённостью и прущим из всех углов достатком. Создавалось впечатление, что всё население города вышло на улицы, чтобы степенно и неторопливо засвидетельствовать своё глубокое удовлетворение царящей повсюду предпраздничной атмосферой.

В моей взрослой и далеко не экзальтированной голове возникали образы и персонажи, навеянные сказками Ханса-Кристиана Андерсена, которыми я зачитывался в детстве. Казалось, вон из того подъезда сейчас выйдет оловянный солдат и, сделав по всем правилам

ружейный артикул, торжественно зашагает к Амалиенборгу⁴. А там на балконе покажется пузатый и важный король, воображающий себя властелином всей земли и одетым в самые богатые наряды, но на самом деле вышедшим на мороз в чём мать родила. Навстречу, держа за руки, идёт мальчик с девочкой – это, конечно, Кай с Гердой вышли на улицу, чтобы выбрать себе подарок. А в этом подвале, вероятно, жил когда-то сам сказочник.

Вспомнил советского писателя Геннадия Фиша, создавшего серию книг про Скандинавские страны. В очерке «Здравствуй, Дания!» он описывает, как ходил по улицам Копенгагена и от имени вселившегося в его душу тургеневского Хоря неодобрительным тоном комментировал то или иное явление: «Это у нас не шло бы... Это непорядок». (Хорь, в отличие от Калиныча, вообще, как известно, неодобрительно относился к загранице.)

А я ловил себя на мысли, что внутри меня поселился именно антипод Хоря-Фиша, разлюбезный Калиныч, восторженная душа, принимавшая на веру всё, что ни покажут. Нет, одёрнул я себя мысленно, так нельзя, нельзя размягчаться, так и недолго до... Крамольную мысль я немедленно прогнал, как только мы с Гордиевским вступили на Strøget – пешеходную улицу длиной около километра, протянувшуюся от Королевской Новой площади до Ратушной.

Во-первых, само понятие пешеходной улицы в центре города сбilo тогда меня с толку. Зачем? Для чего? Кому это нужно? А где же проехать автомобилям? Непорядок. (Силён всё-таки Хорь в русском человеке!) И потом: откуда у датчан столько ювелирных магазинов? Золото-то у них не добывается, драгкамней не водится. Странно... И Калиныч окончательно-таки покинул меня в этот вечер, уступив место подозрительному скептику Хорю.

Между тем время неумолимо бежало вперёд и сокращало мою остановку в Копенгагене. С чувством гордости истинного хозяина, показавшего свои апартаменты гостю, Гордиевский усадил меня в свою «форд-кортину» и повёз к себе домой «откушать». По пути где-то справа мелькнуло наше посольство, потом американское, потом проехали парк, и, наконец, мы въехали на улицу Тагенсвай. Здесь, в старинном, солидном по московским меркам доме, посольство снимало для атташе Гордиевского двухкомнатную квартиру.

Нас встретила милая и добрая хозяйка Лена, жена Гордиевского, и... свирепый сиамский кот Барсик, издравший своими когтями всю посольскую мебель и обои в квартире. Барсик встретил меня недоверчивым злобным шипением, но от прямой атаки воздержался, вычисляя, вероятно, что это за фрукт появился в его владениях. В течение всего обеда я чувствовал на себе его взгляд и был наготове, чтобы отразить любую с его стороны гадость. Из-за Барсика я был лишён возможности вести непринуждённую светскую беседу и наслаждаться гастрономическими раритетами вроде поданных в масле копчёных мидий и мясного блюда «тартар».

Неравнодушен к вкусной пище, а также к сырам.

Настроение тем не менее было праздничное, мы пили знаменитый датский аквавит «со слезой», много болтали о Москве, о Копенгагене, о литературных новинках и о театральных премьерах. Как принято при таких встречах, поведал Гордиевскому об общих знакомых в Центре. Они с женой были в восторге от Дании, от датчан, от Копенгагена, и оба торопились наперебой рассказать мне об этом. В приятном застолье незаметно пролетело время, и надо было собираться в путь. Атмосфера при встрече была, пожалуй, самой непринуждённой за всё моё знакомство с Гордиевским. Слегка пьяный и сытый, я возвращался с ним обратно в Каструп и уже довольно снисходительно, как и полагается сытому Хорю, поглядывал по сторонам.

⁴ Амалиенборг – королевский дворец.

Через час я сидел в полупустом «Боинге-747» и переваривал духовную и материальную пищу, полученную в Копенгагене.

...Процессу переваривания активно способствовали разнообразные и подаваемые в неограниченном количестве горячительные напитки. «Лофтлейдир» не жалел денег на угощение, пытаясь привлечь больше пассажиров на свой трансатлантический рейс. Свой полёт исландцы начали в Люксембурге, продолжили его в Дании и Великобритании, по пути делали посадку у себя дома, а заканчивали свой путь аж в Нью-Йорке. Несмотря на такой длинный маршрут, в салоне самолёта собралось не более двадцати человек, и все они летели до Рейкьявика.

Очевидно, экипаж самолёта решил взять реванш за пустой салон спиртными напитками. Стюардессы выкатили несколько тележек с бутылками и распределили их по местам более-менее кучного скопления пассажиров, чтобы забрать их уже перед самой высадкой в Кефлавике. Сидевший рядом молодой человек после пары «лонг дриנקов» вступил со мной в разговор, из которого он выяснил, кто я и откуда, а я узнал, что он – норвежский студент, обучающийся по обмену с Исландией в Рейкьявическом университете. Каким викинг был филологом, судить не берусь, но виски и джин он держал великолепно. А я-то, грешным делом, думал, что это качество характеризовало исключительно одних вятичей.

К спиртному относится лояльно – пьёт любые алкогольные напитки.

Норвежец – кажется, его звали Эриком – всю дорогу развлекал меня рассказами о своих успехах у исландок, и глядя на его довольно заурядные внешние данные, я начал составлять о женской половине исландского населения довольно нелестное мнение. Филолог хохотал гомерическим смехом над своими шутками, и остальные пассажиры стали бросать в нашу сторону укоризненные взгляды. Потом норвежец достал фотоаппарат и истратил на меня минимум полплёнки, старательно снимая со всех ракурсов. Последнее мне не понравилось, и я стал смотреть по сторонам или прятаться за кресло, чтобы не попасть в объектив.

Я хорошо помнил советы, полученные в спецшколе: разведчик должен по возможности избегать паблисити, чтобы не оставлять за собой никаких следов. Он должен пройти по этому миру бесшумной и незаметной тенью, зарезервировав лишь к старости единственную возможность скромно разделить неудовлетворённое профессиональное тщеславие на какой-нибудь встрече с молодым пополнением, на которое высокое начальство, может быть, как-то сообразоволит его пригласить⁵.

На пути в Англию самолёт попал в жестокий циклон, огромный фюзеляж боинга трепало как соломинку. Мы то и дело проваливались в воздушные ямы, и под ложечкой у меня сильно подташнивало. Эрик рассказал мне, что исландские лётчики летают в любую погоду и известны своей бесшабашностью и мастерством. Я, в отличие от Эрика, не был наслышан о достоинствах исландских авиаторов и сидел как на иголках, ожидая, когда же мы рухнем вниз. Гомерический хохот соседа звучал как реквием на похоронах, но тем не менее я был благодарен Эрику за то, что он помог скрасить мне бесконечно тянувшееся время и притупить страх за свою молодую жизнь в самом начале разведывательной карьеры. «Слабительное для души» не позволило нам с Эриком заметить короткую техническую посадку то ли в Манчестере, то ли в Ливерпуле, а может быть, в самом Бирмингеме.

Ранним декабрьским утром самолёт приземлился наконец в Кефлавике.

Кефлавик во время Второй мировой войны использовался союзниками в качестве военно-воздушной базы. Сначала на остров пришли англичане, а за ними – американцы.

⁵ Оговорюсь, что так тогда было. Теперь завеса таинственности и секретности вокруг разведки приподнялась – может быть, слишком высоко.

После войны американцы так и «застряли» на ней, развернув свои подразделения уже против бывшего союзника по антигитлеровской коалиции. (До сих пор американцы так и не научились соблюдать меру в пользовании чужестранным гостеприимством: куда бы их ни пустили, уходить они оттуда не собираются.) Практически городок стал американской территорией, войдя в инфраструктуру НАТО. Правда, поскольку на территории Исландии не было других аэродромов, американцы позволили использовать Кефлавик в качестве гражданского аэропорта для исландских авиалиний. Таким образом в период холодной войны советским гражданам, попадавшим в Исландию, предоставлялась уникальная возможность легально находиться, пусть недолго и под соответствующим контролем, на территории военной базы США.

За стеклом иллюминатора было хоть глаз коли. Прожорливому и кровожадному волку Фенриру, по всей видимости, всё-таки удалось обмануть самого Одина и проглотить-таки наше солнце⁶. Одинокие огоньки скудно освещали окрестность, не давая возможности составить о ней ясное представление. Жиденькой струйкой пассажиры потянулись к небольшому строению, оказавшемуся административным зданием международного аэропорта. Американских военных видно не было. Паспортные формальности продолжались недолго, иммиграционный чиновник без всяких вопросов поставил в паспорт штамп о прилёте и отпустил меня восвояси. Через пять минут я в нерешительности стоял в небольшом холле, ожидая, когда ко мне подойдёт кто-нибудь из посольства или резидентуры. Я сразу узнал «своего», как только он появился в дверях. Встречал меня сам резидент, немолодой уже мужчина, отработавший, по всей видимости, последнюю свою командировку.

– Борис Николаевич? Меня зовут Николаем Ивановичем. Поехали?

Я с радостью согласился, тем более что моего отца тоже звали Николаем Ивановичем. Мы прошли к его машине. Вокруг было по-прежнему темно, хотя по московскому времени уже пора было светать. Отъехав от аэропорта, мы сразу нырнули в густую мезозойскую темноту, прорезаемую ярким кинжалом фар. На бледном фоне покрытого плотными облаками неба отражались причудливые холмы и вздыбленные кучи неизвестной мне породы, будто оставленные поработавшим на славу гигантским бульдозером.

Асфальт был великолепный, и «форд» бесшумно нёс нас по какой-то обручевской Плутонии, правда лишённой малейшего намёка на растительность. Наконец я не вытерпел:

– Николай Иванович, что это такое? – Я показал пальцем за окно.

– Лава.

– Что-о-о?

– Застывшая лава. Вулканическая порода.

Я сразу вспомнил о вулканическом происхождении Исландии, но одно дело – читать, а другое – увидеть всё это наяву.

– И что – вся страна такая?

– Да нет, местами встречается и травка, мхи. Ведь у исландцев масса овец, чем-то кормиться они должны.

– А деревья?

– Практически нет. Вот сейчас под Рейкьявиком планируется разбить парк, но это всё когда-то будет⁷.

Когда мы въехали в Рейкьявик, начало светать, но город разглядеть не удалось. Николай Иванович отвёл меня в гостевую комнату и предложил хорошенько выспаться.

⁶ Волк Фенрир – персонаж из скандинавской мифологии. Один – главный бог скандинавского пантеона.

⁷ Уже работая в длительной командировке в Копенгагене, помню, как мне пришлось встречать следовавшую из Исландии транзитом домой семью одного нашего дипломата. Его трёхлетняя дочка показывала пальцем на деревья и спрашивала: «Папа, что это?»

Спать почему-то не очень хотелось, перед глазами проходили шикарные предрождественские картинки Копенгагена, перемежаемые фантастическим пейзажем Исландии, в ушах раздавался пьяный смех филолога-ловеласа Эрика, а в полутёмном окне полуподвальной гостевой мелькала морда сиама Барсика. Ко всему прочему в нос лез неистребимый запах тухлых яиц: здание посольства, как и весь город, обогревалось горячей водой из гейзерных источников, содержащих сильную концентрацию серы. Потом я куда-то поплыл и сразу провалился в бездну.

Проснулся я оттого, что меня здорово, как на корабле, качало. Комната ходила ходуном, стены трещали и люстра раскачивалась из стороны в стороны, готовая вот-вот упасть на мою голову.

«Когда же кончатся эти кошмарные сны!» – подумал я с досадой за допущенный накануне перебор по части горячительных напитков и закрыл глаза, чтобы продолжить сон. Но что-то было не то, в нос опять полезла сера, и я понял, что уже не сплю. Я прислушался: в доме было тихо, обитатели, вероятно, продолжали спать. Дом на какое-то время успокоился, не двигал своими стенами, люстра замерла на своём месте.

«Чертовщина какая-то! Значит, всё-таки мне это приснилось?»

И тут как бы в опровержение этого нелепого предположения по дому опять прошла крупная дрожь, где-то вдаль прокатился гул, люстра вновь пришла в движение. Я испуганно вскочил с постели. Землетрясение! Как я раньше не догадался, ведь Исландия – страна вулканическая, молодая, и землетрясения здесь не являются редкостью. Первой мыслью было: «Бежать!» Но, не услышав в доме и за его пределами каких-либо признаков беспокойства или паники (люди вообще куда-то пропали), я уговорил себя остаться в постели, чтобы не показаться смешным в глазах аборигенов. Подумать только: испугался землетрясения!

Как ни странно, я снова заснул и проспал ещё пару часов без всяких сновидений. Поздним утром в гостевую заглянул Николай Иванович и рассказал, что в районе Рейкьявика было пятибалльное землетрясение, в городе кое-где дали трещины дома, лопнули трубы водяного отопления, но человеческих жертв нет. Всё хорошо, прекрасная маркиза!

После завтрака резидент повёл меня, как это полагается, представлять послу. Негласный этикет взаимоотношений «резидентурских» с «посольскими» непременно предполагал эту процедуру, независимо от сроков пребывания командированного в стране, его чина и звания и целей командировки. Правда, если прибывший занимал солидное положение, время аудиенции значительно увеличивалось, и беседа могла кончиться на весьма дружеской ноте и даже приглашением «вместе отобедать» или «накоротке отужинать».

Кроме чисто протокольных соображений, такие визиты имели сугубо прозаическое объяснение: главе дипломатического представительства было полезно убедиться, что представитель «ближних соседей» появился в посольстве не для того, чтобы делать под когнибудь «подкопы» или искать «компру». «Чистые» дипломаты в своей практической деятельности непременно учитывали благоприобретённый исторический (в основном отрицательный) опыт и в отношениях с представителями КГБ не отходили от ставшей генетической линии поведения «держись от чекистов подальше», хотя в описываемое время эти комплексы проявлялись всё-таки не в такой острой форме, как тридцатью годами ранее. Впрочем, это зависело от того, какими людьми были чекисты и какими – сами «чистые».

Посол был неглупый мужик, к представителям разведки относился без предубеждений, поэтому долго на моей персоне задерживаться не стал. Через пять минут мы с Николаем Ивановичем вышли из его кабинета и уединились за «секретной» дверью резидентуры, чтобы обсудить моё задание и способы его выполнения. Оговорюсь сразу, что заданием не предусматривалась вербовка агентов или проведение явки с ценным источником. Всё было значительно проще: нужно было собрать максимум общедоступной информации, на основании которой можно было сделать вывод о возможности и целесообразности работы по

Исландии. Скажу также, что такая возможность априори не просматривалась, но для формального закрытия вопроса, как в науке, требовались определённые оперативные выкладки.

Две недели в Рейкьявике я провёл в стенах посольства, листая различные справки, отчёты и обзоры посольства и резидентуры и беседуя с дипломатами. Я с благодарностью вспоминаю о помощи, которую мне оказали «чистые» сотрудники посольства Подражанец, Комиссаров и Шаманин. С Серёжей Комиссаровым, владеющим несколькими скандинавскими и европейскими языками, мне пришлось потом вместе проработать в Дании и Швеции, а с Шаманиным тоже столкнуться в Швеции.

Кстати, о языках. Кроме того, что мы впереди всей планеты в области балета, нужно отметить, что ни в какой другой стране, кроме нашей, не поставлено так досконально изучение иностранных языков. Где, в каком государстве вы встретите дипломатов, владеющих исландским языком, на котором говорят всего двести тысяч человек? Такие люди были и, я надеюсь, ещё живы. Я знал их и видел. Это упомянутые выше Комиссаров и Подражанец, ученики известного в кругах МИДа и за его пределами профессора Якуба. Как скандинавист могу подтвердить только, что это явление на уровне маленького чуда света.

Свободное время использовал для прогулок по городу, а вечера – для хождения в «киношку». Рейкьявик – небольшой по нашим, да и по европейским масштабам город, и его можно обойти за пару часов. Компактный центр и деловая часть столицы с министерствами, банками, магазинами и офисами; университетский район на окраине (где-то здесь вращается мой знакомый норвежец); порт с многочисленными причалами и рыбацкими шхунами и баркасами; бассейн с подогретой морской водой у самой кромки океана; старейший в мире парламент альтинг (британский парламент на самом деле моложе исландского)⁸, приютившийся на краю искусственного озера, по которому плавают лебеди; бессадаир – резиденция президента; мрачные средневековые каменные церкви; памятник норвежскому конунгу Эйрику Рыжему, открывшему Исландию в незапамятные времена, и насколько хватает глаз – безбрежный океан.

Это Рейкьявик – единственный город в Европе, а может быть, и в мире, вмещающий со своими девятью тысячами почти половину населения своей страны. Примерно столько же жителей насчитывается в небольших городах-посёлках, разбросанных по побережью острова, в которые можно попасть либо по воздуху, либо по морю (Акурейри, Нескаупстадур, Боргарнес и др.). Остальные двадцать пять – тридцать тысяч исландцев живут на фермах, хуторах или в охотничьих домиках, большую часть года отрезанных от всего мира, поддерживая связь с цивилизацией только по радио.

Здесь, в Рейкьявике, четверть века тому назад формировался конвой из судов союзников, который должен был доставить в Мурманск помощь по ленд-лизу и о котором написано великолепное документальное исследование В. Пикуля...

Говорят, что когда первый переселенец из Западной Норвегии Ингольв Арнарсон в 874 году приблизился к Исландии, то увидел, что весь берег был покрыт льдом, и назвал новую страну Ледяной. Это название сохранилось за ней до сих пор: Исландия в буквальном переводе с норвежского означает «страна льдов».

Внешний вид обманчив, и норвежскому викингу пришлось в этом скоро убедиться⁹. На самом деле льды занимали лишь центральную, горную часть страны, а прибрежные долины были покрыты сочной травой, по ним протекали чистые источники, кишасшие жирными форелями и хариусами, климат был достаточно мягким для того, чтобы предоставить убежище свободолюбивым викингам, которым стало тесно на своей исторической родине.

⁸ Альтинг собирался в июне на две недели начиная с 930 года.

⁹ Таких парадоксов в истории географических названий много. Например, когда те же викинги открыли Гренландию (Зелёную страну), они не предполагали, что она покрыта льдом. Вообще-то Гренландия и Исландия должны были поместиться названиями.

Конечно, это не шло ни в какое сравнение с райскими тропическими странами, но свободной земли было очень много, врагов поблизости не было, а это главное, чего искали неугомонные варяжские пассионарии.

За первыми переселенцами последовали другие, и к началу XII века в Исландии образовались довольно многочисленные колонии норвежцев, успешно занимавшихся овцеводством, коневодством (исландцы вывели неприхотливую породу низкорослых густошерстных лошадок-пони) и молочным животноводством. Но главным занятием исландцев стало рыболовство.

Исландия – настоящий полигон для лингвистов, и исландский язык ещё ждёт своих исследователей. Дело в том, что если подойти очень строго, то исландского языка не существует вовсе. Да, да. Исландцы говорят на старонорвежском наречии, сохранившемся во всей своей чистоте со времён первого норвежского поселенца и Эйрика Рыжего! Представляете? Язык викингов законсервировался и практически ничуть не изменился с тех пор. Если бы учёным каким-то образом удалось оживить первооткрывателя этой островной страны, то он без труда мог бы понять язык современного писателя-классика Халлдора Лакснесса.

История страны, благодаря тому что она начала создаваться уже во время нашей эры – современные исландцы считают себя всего тридцать вторым поколением, – и что по ней не прокатывались полчища каких-нибудь гуннов, и мировые катаклизмы миновали её стороной, описана весьма подробно и достоверно. Если у нас на Руси с трудом, буквально по крохам, можно собрать скудные отклики современников о прославившем себя в веках князе – ну хотя бы о Дмитрии Донском или Александре Невском, то исландцы спокойно могут почитать о каком-нибудь своём предке в тридцатом колене, например о крестьянине Ньяле, сыне Торгейра:

«Он был такой знаток законов, что ему не было равных. Он был мудр и ясновидящ и всегда давал дельные советы. Он был доброжелателен, обходителен, великодушен, прозорлив и памятливы, и никому не отказывал в помощи, кто бы к нему ни обращался».

Здорово, правда? Фраза тысячелетней давности, которую полностью можно вставить в текст служебной характеристики, например, офицера советской разведки.

Практически до нас дошло очень много текстов летописей – саг, написанных грамотными викингами-монахами. (Кстати, большинство ценных свитков с сагами хранится в архивах Копенгагена.) Эти средневековые повести на протяжении многих мрачных столетий были единственным достоянием народа, стоявшего на краю гибели и черпавшего из них веру в себя и в будущее своей нищей страны.

С XI века до 1550 года в стране господствовала католическая церковь, а новое лютеранское течение с трудом пробивало себе дорогу, наталкиваясь на принципиальную верность исландцев тому, что они однажды приняли внутрь себя. Имена католических епископов Эгмунда Паульсона и Йоуна Арасона, боровшихся против «выкорчёвывания из людских сердец» истинной веры, знает теперь каждый школьник. Новая религия навязывалась силой датчанами из Копенгагена и потому воспринималась особенно остро и неприязненно.

Конечно, исландцы из-за суровых условий, в которые их поставила природа, не сумели создать шедевров архитектуры, музыки, живописи или скульптуры, равных по своему значению, например, итальянским или французским. Естественно, длительное время оставаясь в своём развитии в стороне от «столбовой дороги цивилизации», Исландия была обречена на провинциальный образ жизни и мышления. Исландцы – это нация рыбаков и крестьян. Но можно смело утверждать, что в литературе исландцы оставили свой весомый и неповторимый след. И не столько выдающимися и потому единичными именами типа Х. Лакснесса, а сколько своим массовым участием в ней.

Дело в том, что почти каждый исландец – в душе либо поэт, либо прозаик. При этом он не стремится заниматься этим профессионально, чтобы зарабатывать литературным тру-

дом себе на жизнь. Исландец сочиняет сагу, балладу или риму (поэму) просто для выражения своих чувств. Вместо литературных салонов и клубов он пользуется любой сходкой – крестинами, свадьбой, собранием фермеров или рыбаков, для того чтобы выразить свою потребность в самовыражении на людях и заявить о своём мастерстве. Во всяком случае, так было до недавнего прошлого, до наступления так называемой массовой культуры, которая, к сожалению, коснулась и этого провинциального уголка Европы. У исландцев было принято устраивать специальные поэтические состязания – нечто похожее на описанное И. С. Тургеневым в рассказе «Певцы». Иногда такой литератор-самоучка должен был совершить длинный путь чуть ли не через всю страну, чтобы «сразиться» с каким-нибудь признанным скальдом¹⁰, мастером баллады.

Формы и размеры исландского стиха настолько разнообразны и сложны, что они требуют особого исследования. Взять, к примеру, хотя бы стих слъехтубёнде – хореическое четверостишие с аллитерацией пятого и седьмого слога первой и третьей строки с первым слогом соответственно второй и четвёртой! (Уф-ф!) Лауреат Нобелевской премии Х. Лакснесс рано обратил на себя внимание публики, уже в шестнадцатилетнем возрасте написав свой первый роман.

Если исландец не сочиняет, то всё равно является большим ценителем и знатоком поэзии. Душа всех северных народов скрыта в исландских сагах, утверждают сами исландцы.

Двести тысяч исландцев – это население одного такого города, как Елец или Таганрог, поэтому немудрено, что они почти все знают друг друга. Для этого не обязательно быть знакомыми и встречаться хотя бы время от времени. Информация о людях содержится в самой фамилии исландца или исландки, а вернее – в их отчестве, ибо их фамилии, как и в России, в большинстве своём и по форме, и по происхождению являются отчествами. Если фамилия женщины – Гудмундсдоттир, что означает буквально «дочь Гудмунда», а мужчины – Гудбьяртурссон, то есть сын некоего Гудбьяртура, то исландцу достаточно вспомнить о роде Гудмунда или Гудбьяртура, чтобы однозначно определить, с кем он имеет дело. Раньше фамилии вообще не были в ходу в Исландии, многих просто называли «Гудни из Редсмири», «Тоурир из Гилтейги» или «Эйнар из Ундирхлида», прибавляя к имени название хутора, фермы или местности.

В раннем Средневековье Исландия была относительно процветающей страной, однако позднее страну постигло большое несчастье. Последствия прошедшей по всей Европе, в том числе и по Исландии, эпидемии чумы для исландцев были просто катастрофичны. От страшной болезни вымерло более двух третей населения. Людские ресурсы были настолько подорваны, что страна не смогла оправиться от этого удара до сегодняшнего дня. Впрочем, эпидемии голода и заразных болезней наступали с такой же регулярностью, с которой происходили землетрясения и извержения вулканов. А трясёт в Исландии и извергаются вулканы так же часто, как в какой-нибудь Японии или на Курилах.

Исландия обрела самостоятельность только в 1944 году. В 1918 году была провозглашена её независимость, но она существовала только на бумаге. Исландия продолжала быть связанной унией с Данией ещё двадцать шесть лет, прежде чем её вековая зависимость от датчан была наконец-то полностью ликвидирована. Исландия – вероятно, единственная страна в мире, которая не имеет армии (около ста полицейских обеспечивают внутренний порядок на всём острове) и, занимая важное стратегическое положение, привлекла к себе внимание НАТО. Английская, а потом американская военно-воздушная база в Кефлавике в 1949 году вошла в инфраструктуру НАТО, и никогда и ни с кем не воевавшие исландцы очутились под эфемерным зонтиком безопасности этого военного блока. Взамен НАТО обещала защищать остров от любого агрессора.

¹⁰ Скальд – поэт.

Значение важности этого фактора трудно переоценить.

А в XIII веке на остров пришли хозяйничать материковые норвежцы – в 1262 году король Хокон IV Старый присоединил Исландию к Норвегии, а когда датская экономическая, военная и политическая экспансия позволила подмять под себя Норвегию, то заодно и Исландия стала датской колонией. «Серый Гусь» – исландский свод законов, выработанный ещё до принятия христианства, – перестал существовать. Вообще маленькая Дания оказалась на редкость жадной и прожорливой: кроме Исландии и Норвегии, в разное историческое время она «заглотнула» практически всю Скандинавию. Гренландия, в десятки раз превосходящая свою метрополию по территории, и Фарерские острова с населением около 70 тысяч человек до сих пор входят в состав Датского королевства на правах автономии.

Самым тяжёлым в этом плане испытанием для исландского народа были XVII и XVIII века, когда гнёт датчан был особенно невыносим и на карту было поставлено само существование исландцев как нации. Датчане ввели монополию на торговлю с Исландией, из-за которой цены на вывозимые товары были низкими, а на ввозимые – непомерно высокими. Впрочем, для истощённой многочисленными войнами Дании и это не помогало. Исландия всё-таки оказалась большой обузой для королевской казны, и король Фредрик IV всерьёз взвешивал возможность продать Исландию немецким купцам.

Как для крыловской мыши не было зверя сильнее кошки, так и для исландцев восприятие вселенной ограничилось вездесущей Данией. Исландцы были склонны во всём видеть промысел Копенгагена. Северная война, начатая Петром I против Швеции, была, по их мнению, инспирирована датчанами, которым «удалось направить на шведов далёкие народы».

Трудное историческое прошлое сформировало исландцев суровыми и аскетичными людьми, мужественно и смело борющимися с природой, с гнётом и несправедливостью. Исландец решителен, непокорен, бескомпромиссен. Он придаёт королям не очень серьёзное внимание. Все исландцы равны перед Богом, и если исландец не слуга другого, то он сам считает себя королём. Исландцам в высшей степени присуще чувство национального достоинства, веры в свои силы. Надежда покидает их последней.

Экономические условия и уклад жизни в современной Исландии таков, что мужчине трудно прокормить семью, имея только одну профессию или работая только в одном месте. Как правило, все исландцы подрабатывают по крайней мере ещё в одном месте, а то и в двух или дополнительно осваивают другую или третью профессию. Очень часто в биографии того или иного лица можно прочесть, что имярек был поэтом, крестьянином и кузнецом.

Когда к берегу подходят косяки сельди или трески, то жители столицы и других прибрежных посёлков бросают всё и выходят в море ловить рыбу. Рыба – основа экономики страны. Природных ресурсов на острове практически нет. Есть вода, есть гейзеры и... лава. Травяной покров составляет очень небольшой процент поверхности. Плодородного слоя почвы нет. Из домашних животных преобладают овцы. Они дают шерсть (знаменитые исландские свитера!), мясо и скюр – нечто среднее между йогуртом и кумысом, национальный напиток исландцев.

Рыба напоминает о себе везде. Её запах разносится по всему городу. Треска штабелями навалена в порту на складах, развешена на крючьях для естественного вяления на сыром морском воздухе, продаётся во всех магазинах и кафе, консервируется и упаковывается в банки на фабриках, загружается в трюмы пароходов, а около моря валяется под ногами. Повсюду сельдь и треска, треска и сельдь.

...Я брожу по улицам Рейкьявика и постоянно ощущаю свою значимость. Впервые в жизни я стал объектом внимания серьёзной государственной структуры. За мной по пятам

неотступно следуют два филёра. Они добросовестно выполняют выученные, вероятно, у датских коллег приёмы, не упускают случая зайти вместе со мной в какой-нибудь магазинчик, дышат мне в затылок и отворачиваются в сторону, когда я ненароком сталкиваюсь с ними взглядом. Приятно убедиться в том, что исландские филёры действуют в точном соответствии с тем, чему нас в своё время учил инструктор по наружному наблюдению. Значит, филёр он и в Исландии филёр. Набор приёмов у него такой же, как у русского «наружника».

Сочувствую этим ребятам, потому что они уже в годах и трёх-четырёхчасовые прогулки для них достаточно обременительны. Сесть в машину, как это принято в больших городах, они не могут: во-первых, в автомобиле вести слежку несподручно, потому что я то и дело меняю направление и куда-нибудь захожу. Развернуться исландским детективам негде – не те масштабы, город небольшой. О том, чтобы сесть за руль, им и в голову не приходит, потому что объект сразу их расшифрует. Медленно ползущая за пешеходом машина в Рейкьявике – это всё равно что слон, наступающий вам на пятки на улице Горького. В этой связи приходит на ум рассказ нашего инструктора о работе филёров в 1920-х годах. Иностранцы и нэпманы передвигались, как правило, на автомобилях, в то время как сотрудники бригад наружного наблюдения ЧК обходились тогда в крайнем случае велосипедом, а чаще – «одиннадцатым номером». Так вот отчёты сотрудников «НН» частенько заканчивались фразой: «Объект сел в авто и исчез в неизвестном направлении. После этого НН за ним не велось».

Объект пришёл в парк, подошёл к пруду и как в воду канул.

Я, конечно, тоже могу взять такси или кануть в озеро, но делать этого не следует. Зачем без толку дразнить людей? Пусть себе ходят за мной, мне так спокойней. Ну, уйдёшь от них один раз, так следующая раз они так тебя обставят, что не возразишься! Себе дорожке такие штучки, испытывать на прочность «наружников» надо в тех случаях, когда это крайне необходимо. Например, если нужно во что бы то ни стало выйти на встречу с важным агентом.

Со стороны Атлантического океана, не переставая, дует сильный и влажный ветер, подгоняя рваные, густые чёрно-свинцовые хлопья облаков. День в декабре длится часа четыре, а остальное время – это сумерки и приполярная ночь. Снег выпадает, но быстро тает. В общем погода, похожая на наш поздний ноябрь. Изредка блеснёт из-за облаков яркий луч солнца и осветит всё в ярко-оранжевый свет – спичка спелеолога, заблудившегося в лабиринтах огромной и мрачной пещеры. Пожалуй, если бы в Рейкьявике держался снег, было бы легче переносить это время года, но расточительный Гольфстрим не оставляет для этого никакого шанса. И какому чудаку пришла в голову мысль избрать этот остров местом для своего жилища? (Я тогда, естественно, не предполагал, что спустя пару десятков лет мне доведётся увидеть более дикие места, чем Исландия.)

Вот он стоит передо мной, конунг Эйрик Рыжий, создатель исландской государственности, совершенно один, открытый всем ветрам, прикрывшись щитом, занеся руку с секирой для удара и устремив свой взор вдаль к морю. Это его сын Лейв Счастливый в конце X века, опередив Христофора Колумба на целых 500 лет, откроет берега Америки и назовёт её Винландией, Страной винограда. Можно предположить, что Эйрику создали в Норвегии поистине невыносимые условия, раз уж он решил связать остаток своей жизни с Исландией.

Фигуры «наружников» маячат в отдалении, ожидая, когда же этот хлюст из Советов сделает оплошку и продемонстрирует, наконец, для чего он приехал за несколько тысяч километров от своих медведей. Не для того же, чтобы осматривать памятники норвежским викингам!

Ладно, надо пожалеть ребят. Свою-ка я их в «киношку». Валера Шаманин сказал, что в «бочке» – каком-то ангаре, сооружённом в начале 1940-х американскими солдатами и приспособленном для показа фильмов, – идёт «Доктор Живаго». Краем уха я уже слышал про одноимённый роман Б. Пастернака, и не посмотреть фильм было бы непростительно с моей стороны. Да и «наружники» пусть за казённый счёт хоть что-то узнают о далёкой и загадочной России.

Хотя что им наши проблемы? По описанию Х. Лакснесса, приведённому в его романе «Самостоятельные люди», исландские крестьяне, случайно узнав о том, что в далёкой Европе «убили какого-то беднягу по имени Фердинанд», из-за чего началась большая заваруха, с удовлетворением говорят о том, что Первая мировая война повысила спрос на рыбу и рыбий жир и это для них самое главное. А война – что война? Они всю свою жизнь воюют с нуждой, и их война будет посерьёзней, чем убийство австрийского эрцгерцога.

Кинотеатр действительно располагается в металлическом ангаре с полукруглыми сводами – типичное сооружение для складских помещений. С радостью отмечаю, что внутри тепло и можно отогреть оочевевшие от сырости члены. Билеты, по моим понятиям, стоят слишком дорого, не то что у нас дома. «Наружники» тоже проходят в зал и занимают место сзади. Как только свет в зале гаснет, я полностью забываю о них и слежу за перипетиями бедного русского интеллигента в изображении египетского актёра. Такой революции я себе до этого представить не мог. Артисты, изображающие на экране революционных солдат и чекистов, создают гротескные образы, и это в моём восприятии снижает достоверность фильма. Надо бы обратиться к самому роману, благо я где-то уже видел его перевод на английский язык. За неимением русского варианта на первый раз сгодится и английский.

Выхожу из «бочки» под сильным впечатлением. Омар Шариф, сукин сын, хоть и египтянин, но где-то ему удалось ухватить суть образа мятувшегося интеллигента Живаго, и он запоминается. Но главное, конечно, – это использованная в фильме в качестве лейтмотива музыка. Говорят, эту мелодию создатели фильма случайно «раскопали» в Бразилии, где в одном из кафе её исполнял какой-то русский эмигрант. Это якобы старинная – XVIII века – мелодия, передаваемая в семье эмигранта от старших к младшим по наследству. Как бы то ни было, но романс из «Доктора Живаго», что называется, берёт за душу и долго ещё будет звучать в моём сознании.

Странно вообще устроена человеческая жизнь. Для того чтобы задуматься над своим прошлым, над историей России, надо сходить в какую-то исландскую «бочку» и посмотреть запрещённый для советских людей фильм. Пребывание в Исландии в моей памяти до сего дня ассоциируется с «Доктором Живаго», ностальгической мелодией фильма, напоминающей мне о чём-то безвозвратно утраченном, непоправимо упущенном и достойном глубокого сожаления. У меня не остаётся сомнений в том, что мелодия имеет русскую первооснову, иначе почему бы она встревожила мою душу?

Но я, кажется, утомил тебя, нетерпеливый читатель, лирическими отступлениями. Я знаю, что ты жаждешь наполнить свою умную и пытливую голову полезной информацией. Ты не тратишь времени зря на такое никчёмное чтение. Ты тоже бежишь с неудержимо рвущимся вперёд табуном навстречу... своей зрелости, подставляя грудь под свежий ветер Ойкумены. Но однажды и ты остановишься, и ветер донесёт до твоего слуха давно отзвучавший топот копыт...

...Я сижу в гостевой и мысленно «подбиваю бабки» под своей командировкой. Валера Шаманин попросил сыграть в волейбол за команду молодых дипломатов, но я отказался. Две недели пролетели как один миг, и я с сожалением думаю о том, что не всё удалось сделать.

Я вижу эти упущенные возможности, но Хронос не оставляет шанса на их исправление. В будущем я, конечно, учту этот опыт, а сейчас надо собираться домой.

В отчёте о командировке, который пойдёт в Центр дипломатической почтой, ляжет на стол начальнику управления и по цепочке спустится к Георгию Михайловичу, чтобы потом очутиться в досье, которое я сам и веду, делается вывод о «невозможности использования Исландии в наших оперативных целях». Я с сожалением «закрываю» эту страну для отдела, да и для себя, потому что знаю, что только дикая случайность может привести меня обратно на эту землю. Ну что ж, отрицательный результат в разведке, как и в науке, тоже результат.

Через имеющиеся в резидентуре возможности нами не получены конкретные сведения, подтверждающие ваши первоначальные предположения.

В дверь раздаётся стук. Это Николай Иванович, добросовестно отыграв в волейбол, зашёл за мной, чтобы отвезти меня к себе домой на прощальный ужин. Завтра рано утром короткий бросок в Кефлавик и на восток, через Атлантику и всю Европу в родную Москву. Нет, что ни говорите, а лететь куда-то намного интересней и заманчивей. (Как потом я узнаю, такое ощущение возникло оттого, что мой исследовательский жар не совсем насытился. После же такого насыщения, наоборот, наступает такая жуткая ностальгия, тоска по своим, по грязным, но родным улицам, знакомым лицам, что хочется бросить всё и бежать босиком домой.)

Я опять делаю пересадку на аэрофлотовский рейс в Копенгагене (обратный полёт до Дании мне совершенно ничем не запомнился), но меня никто не встречает и встречать не должен. Как мне объяснили в Рейкьявике, времени на пересадку в Копенгагене будет в обрез. И действительно, в транзитном зале на табло читаю надпись о том, что посадка на московский рейс уже заканчивается. Я бегу к нужному выходу, но никого из пассажиров или служащих аэропорта там не обнаруживаю. Выход к самолёту преграждён зелёным шнуром. Всё, я опоздал! Сейчас самолёт отойдёт от трапа и улетит без меня домой! Что делать?

Я перепрыгиваю через барьер и несусь по узкому тоннелю. Но что такое? В конце тоннеля светлое пятно – самолёта нет. Значит, мои предположения правильные. Я кубарем скатываюсь по ступенькам на лётное поле и в метрах ста от себя вижу наш родной флаг на белом фюзеляже. Люк самолёта закрыт, но трап почему-то ещё не убран. Может, я ещё успею? Вокруг никого нет, вскарабкиваюсь на трап и изо всех сил стучу кулаком в дверь. В самолёте тихо, тогда я настойчиво стучу ещё раз, и люк перед моим носом распахивается, в проёме появляется молоденькая стюардесса, поправляющая на ходу кофточку и высоко взбитую причёску «Бабетта идёт на войну».

– ?!

– Я ваш пассажир.

– Ну и что?

– Как что, я опоздал на посадку и вот...

– Какую посадку, молодой человек? Она ещё не объявлялась. Самолёт задерживается на два часа.

Становится ясно, что произошла накладка, чуть ли не стоившая мне разрыва сердца. Сразу наступает апатия, я бормочу «извините» и плетусь обратно в транзитный зал. В Каструпе мне придётся бывать потом чуть ли не каждый день, но такой бесконтрольной обстановки в международном аэропорту я больше не видел. Советский разведчик (причём начинающий!) бесконтрольно и беспрепятственно дважды за какие-то десять-пятнадцать минут пересёк в оба конца государственную границу Датского королевства.

Скоро дадут о себе знать террористы, торговцы наркотиками, нелегальные эмигранты, беженцы, и власти постепенно установят в Каструпе строгий режим безопасности. А декабрь 1968 года принадлежал ещё той – застойной – эпохе.

P.S. А Эрик-филолог и потомок норвежских викингов оказался всё-таки не совсем простым человеком. Год а три спустя, когда я уже сменил на посту О. Гордиевского и работал в копенгагенской резидентуре, однажды на свой адрес в посольстве получил письмо. Открываю и достаю из конверта несколько цветных фотографий, на которых в разных ракурсах изображена моя личность. Сразу не могу «врубиться», где же это меня угораздило... Но потом сразу вспоминаю перелёт из Копенгагена в Рейкьявик.

Хорошо, что Эрик не забыл выслать фотографии. Но как же всё-таки он меня вычислил?

Он был весьма порядочным человеком, связанным с западными спецслужбами.

Дания

За границей не проживал, а был в ДЗК¹¹.
Засоризм

¹¹ ДЗК – длительная заграникомандировка.

Пора в путь-дорогу!

*Малькольм: Утешьте всех: мы выступаем. Десять тысяч войска
нам Англией даны.
У. Шекспир. «Макбет»*

Проработав целых четыре года в Центре, я наконец дождался решения руководства на замену О. Гордиевского. Мой подопечный пробыл в командировке почти пять лет и, судя по всему, не возражал бы продлить её срок ещё на столько же, если бы на этот счёт не существовали определённые ограничения.

В своей книге «Следующая остановка – расстрел» Олег Антонович утверждает, что его замена, то бишь ваш покорный слуга, буквально копытами бил от нетерпения, снедаемый желанием поскорее вкусить блага капиталистической демократии и припасть к живительным родникам западной цивилизации. Истина как раз заключается в том, что будущий предатель всеми фибрами души не хотел возвращаться домой и нажимал на все педали, чтобы продлить срок пребывания в любимой им Дании. Читатель подумал, что Гордиевский не успел завербовать очередного агента и теперь ему мешают довести дело до конца? Не тут-то было! Ему нужно было задержаться в Копенгагене, чтобы купить кое-какую мебелишку! Уже тогда будущий «идейный борец» за демократию и справедливость обращал на себя внимание повышенным интересом к вещам.

Весь 1969 год я уже целенаправленно готовился к отъезду в Данию, проходил медицинскую комиссию, выездную комиссию ЦК КПСС, собирал информацию о стране, стажировался в различных подразделениях Службы и МИДа, хлопотал о документах и билетах, бронировал свою квартиру, чтобы избежать её отчуждения в пользу Моссовета, дорабатывал легенду, начал переписку с резидентурой о приобретении автомашины и аренде подходящей (то бишь дешёвой) квартиры в Копенгагене, готовил к командировке жену, ребёнка. При всём этом ПэГэ не освобождал меня от текущих оперативных обязанностей куратора Скандинавских стран.

Ни я, ни мои родственники за границей не проживали и не проживают, кроме нахождения меня в загранкомандировке.

Вся процедура оформления в ДЗК в среднем занимала по времени целый год. У некоторых молодых разведчиков она растягивалась и на полтора, а то и два года.

В нашем европейском направлении работал сотрудник, который несколько лет ждал своей очереди на поездку в Париж. Наконец, ПэГэ дал долгожданный сигнал на прохождение медкомиссии, и механизм подготовки в командировку был запущен. Пройдя все формальности и «муки ада», отдел кадров приготовился было подавать документы на получение французской визы, как вдруг МИД затеял с ПГУ тяжбу из-за какой-то должности в посольстве, и наш товарищ терпеливо ждал, когда же наконец этот вопрос «утрясут» на самом верху. Прошло несколько месяцев, и подали визовое ходатайство. Но и здесь его поджидала неудача, потому что из-за технической ошибки, допущенной машинисткой Консульского управления МИД, это ходатайство дважды пришлось переделывать. Когда наконец и это препятствие было успешно преодолено и французская виза была получена, у оперработника заболела дочка, в связи с чем он попросил отложить свой выезд до её выздоровления. Когда дочь выздоровела, кончился срок визы, и пришлось получать её заново, но тут слёг в постель уже он сам, да так, что больше уже не поднялся. Спустя полтора года после прохождения медицинской комиссии, признавшей его здоровым, его поразила тяжёлая форма рака. Лёжа на

смертном одре, он до конца верил в свою поездку и извиняющимся тоном попросил посетившее его начальство «подождать немного, пока он оклемается». Он умер через несколько дней в возрасте 35 или 36 лет.

Думаю, того времени, в течение которого оперработник готовится в командировку, с лихвой хватило бы на то, чтобы подготовить из него космонавта и дважды забросить на Марс или Венеру. Но таковы были тогда установки, спущенные «сверху». Они были, кажется, специально придуманы для того, чтобы доставить нам больше хлопот. До сих пор непонятно, какого рожна нужно было проверять нас перед каждой командировкой, как будто мы пришли с улицы, а не прошли массу всяких спецпроверок при поступлении на работу? И помогла ли эта утомительная процедура изобличить хоть одного предателя?

Но даже если ты на пути к государственной границе преодолел все объективно выставленные препоны, то не надо забывать ещё и о так называемых субъективных трудностях, которые вносят в процесс оформления не меньшую нервозность. Это – сам противник. Он ведь тоже заранее готовится к твоему приезду в Данию, и если контрразведка располагает сведениями о том, что Гордиевский «подкачал» и по всем внешним признакам поведения не может быть отнесен к безобидной категории «чистых» дипломатов, то она может отказать мне во въездной визе, и тогда год напряжённой подготовки пойдёт «коту под хвост». А если наш родной МИД заупрямится и не даст согласия на то, чтобы и в будущем мы продолжали использовать должность атташе в этой стране? А если какой-нибудь влиятельный и пробивной начальник подразделения затеет сложную комбинацию с рокировкой должностей в резидентуре, в результате которой окажется, что твоя должность куда-то уплывёт в другую страну? А если МИД страны будущей работы начнёт с нашими дипломатами визовую войну?

В общем, надо обладать железной выдержкой и колоссальным терпением, для того чтобы выдержать все эти испытания и успешно проплыть между Сциллой собственных бюрократических препонов и Харибдой вражеских козней, прежде чем приступить к основной твоей работе.

Нужно было поднять владение собой до уровня самовнушения.

При оформлении в ДЗК разыгрываются своеобразные игры с супругой разведчика. Правда, они начинаются ещё на этапе его учёбы в спецшколе и продолжаются во время работы в Центре, но особую интенсивность приобретают перед отправлением семьи в заграничную командировку. На всех этих этапах непосредственный начальник должен непременно познакомиться с женой подчинённого и поддерживать с ней постоянный контакт, чтобы быть в курсе того, что происходит в семье оперработника. Время от времени он напрашивается к своему подчинённому в гости, чтобы воочию убедиться, чем дышит его супруга, какие у неё отношения с мужем, что она собой представляет как личность и чего от неё можно ожидать в условиях заграничной командировки¹².

Жену вызывают к нескольким вышестоящим начальникам и согласно иерархической «лестнице» проводят с ней душевительные беседы. В ходе таких встреч им вряд ли удастся узнать что-либо интересное, но общее впечатление о человеке тем не менее создаётся. Главное при этом – и все это понимали – соблюсти формальность и закрыть один из пунктов плана подготовки сотрудника в ДЗК.

До сих пор ветераны СВР помнят один анекдотический случай с оформлением жены сотрудника в ДЗК. Довольно часто мужу приходится выезжать в командировку одному без

¹² В ЦРУ придерживаются, между прочим, того мнения, что хорошая жена не может претендовать на лавры за успехи мужа, но плохая жена может просто погубить его. И это – правда.

жены и детей, чтобы самому на месте подобрать себе подходящее жильё. Так случилось и с одним молодым оперработником, вынужденным спешно занять открывшуюся нишу в одной европейской столице. Жене было объявлено, что, как только супруг найдёт квартиру, она немедленно воспоследует за ним к месту командировки. Проходит определённое время, супруга начинает тосковать по своей дражайшей половине, но тот пишет ей, что квартирный вопрос в этой проклятой европейской столице решается очень и очень туго: проклятые капиталисты понастроили дорогие дома, и бедному советскому дипломату никак не «влезть» в установленные посольством финансовые рамки. Дело затягивается, с момента отъезда оперработника проходит год, а его половина всё ещё сидит в Москве на чемоданах и ждёт не дожждётся момента, когда можно будет тронуться в путь. Наконец терпение её лопается, и она обращается к руководству службы.

– Как? Вы здесь? А почему мы ничего об этом не знаем? – удивляется руководство. – Вы что – приехали в отпуск?

– Какой отпуск! – возмущается бедная женщина. – Я ещё вообще никуда не выезжала!

– Как не выезжала? – возмущается в свою очередь начальник и... прикусывает язык.

Его вдруг осеняет одна мысль, но он боится высказать её даме. В службе ведь давно известно, что оперработник уже давно воссоединился с семьёй. Так кто же обеспечивает ему там тылы, если законная супруга утверждает, что звонит из своей московской квартиры?

Начинается короткое служебное расследование, в ходе которого выясняется, что тылы всё это время обеспечивала любовница оперработника! Он привёз её в ДЗК с паспортом и визой своей жены и успешно проработал около года, собираясь выехать с ней в отпуск.

Встречи руководства с жёнами сотрудников проводятся формально, без создания соответствующих условий для интимного контакта.

И вот, наконец, «отходная»!

Без «отходной», как свадьба без гармошки, не проходят ни одни проводы в заграничную поездку – независимо от того, идёт речь о долгосрочной или краткосрочной командировке. Это – святое, религиозный обряд, заменяющий напутствие священника, освящающего именем Бога воинов перед походом. («Приходные» – по возвращении из оных – устраивались с такой же регулярностью и непреклонностью, как и очередное повышение в звании или должности.)

Нужно заранее определить круг участников и заказать столик в ресторане. Официально начальство такие встречи не одобряет. Оно делает вид, что это – сугубо личная инициатива «именинника», и умело хмурит брови, услышав об очередной инициативе от(при)езжающего. Сидения в ресторанах слишком часто заканчивались плачевно для его устроителей – московская милиция, словно нарочно, умудрялась отлавливать не в меру перебравших спиртного чекистов, приводить их в участок и торжественно передавать дежурному КГБ для принятия мер. Естественно, начальство, с чьего молчаливого согласия поддерживалась упомянутая традиция, оставалось в стороне, поскольку-де оно официального разрешения на «пьянку» не давало, и виновными оказывались их подчинённые, так неудачно «обмывшие» присвоение очередного звания или отправку за рубеж. Установилась своеобразная игра, в которой все её участники старательно исполняли свои зафиксированные роли, хотя самой игры вроде бы и не существовало.

Сколько выговоров по служебной и партийной линии – строгих, с занесением и без – схлопотал оперативный состав в те годы из-за «неправильного употребления алкогольных напитков», несмотря на магическую фразу, в обязательном порядке присутствовавшую в их характеристиках: «К спиртному относится нормально» или «Спиртное употребляет умеренно»! Сколько присвоений званий и повышений в должности было задержано по этой при-

чине! Скольких оперработников переводили в «отстойники» и технические службы! Несть им числа! По количеству ЧП в Службе «пьяным» делам уступали только прегрешения по женской части и высылки из страны из-за козней противника.

Помнится, в соседнем отделе отправляли в ДЗК одного подполковника, которого все звали Пушкиным, потому что имя и отчество у него совпадало с именем и отчеством знаменитого классика русской поэзии. После товарищеского ужина в ресторане на Чистых прудах «народ» вышел на улицу. Подкрепленные армянским коньячком и в меру отягощенные котлетками по-киевски, оперативные желудки по каналам секреции немедленно сообщили в центр управления каждого оперработника приятные эмоции. Когда человеком овладевают приятные эмоции, то он зачастую перестаёт их контролировать. В таком приподнятом настроении участники проводов Пушкина проявили живой и неподдельный интерес к плавающим в прудах лебедям и решили их отловить. Благо пруд оказался неглубоким – всего по колено. Чистые пруды наполнились гоготанием испуганных лебедей и криками гоняющихся за ними солидных, но достаточно возбуждённых взрослых дядек.

Всех взяли и сдали дежурному по Комитету. Милиция с особым удовольствием выполняла свои обязанности по задержанию своих «старших» братьев, нарушающих общественный порядок. Утром Пушкину на работе объявили об отмене его командировки за рубеж, а остальным охотникам на лебедей – о вынесении выговоров.

И вот после сложных и длительных переговоров с администрацией ресторана, в которой у кого-то всегда оказывался знакомый, столик заказан, меню согласовано, круг участников застолья определён, начальство приглашено, способы контроля за «ненадёжными» огорены, и все небольшими группками, чтобы не возбуждать подозрений, исчезают с работы – «огородами, огородами и к Котовскому!»

Все чинно рассаживаются за сдвинутыми столиками и бросают откровенно плотоядные взгляды на блюда и подносы. Мэтр и официант с выражением беспредельной преданности клиентам стоят навытяжку у входа в зал. Желудочный сок уже «отходит», но нет главного гостя – начальника отдела. Наконец ПэГэ появляется в зале и занимает положенное ему – центральное – место. Он берёт бокал с вином и на эзоповом языке произносит тост:

– Дорогие товарищи! Сегодня наш «спортивный» коллектив провожает за рубеж для участия в «международных соревнованиях» «спортсмена» товарища Григорьева. Это – ответственная миссия, и руководство нашим «спортивным обществом» надеется, что он с честью оправдает наше доверие. Хочется пожелать ему успехов, набрать больше «очков» и по возможности занять «призовое место».

Следующий товарищ подхватывает почин и продолжает не менее витиевато и непонятно:

– Хочется пожелать товарищу Григорьеву дойти до финиша, несмотря на все препоны и трудности!

(Что он несёт? Какой финиш? Посадка в самолёт или возвращение домой? А может быть, досрочный отзыв по «аморальным» соображениям?)

Впрочем, избранной спортивной терминологии придерживаются только первые ораторы, и после двух-трёх рюмок следующие тостующие сбиваются на оперативную, поэтому парторгу и ПэГэ приходится то и дело их поправлять. Но всё проходит гладко, обслуга держится на почтительном расстоянии и делает вид, что происходящее за столом их никоим образом не интересует. А главное – всем удаётся благополучно миновать бдительные посты милиции и добраться домой без приключений. Утром звоню на работу и с облегчением узнаю, что потерь среди участников вчерашнего застолья в «Арагви» нет.

Все довольны, и начальство тоже.

Вот теперь всё. Можно собираться на Белорусский вокзал.

Мечта идиота сбывается

*– Ай эм рашен фром зе совет делегашен!
Английская форма засоризма*

Как бы то ни было, а к концу 1969 года я был готов выехать на новое место работы. Для того чтобы ввести в заблуждение ПЭТ¹³, моего будущего противника, руководство сначала отозвало из командировки Гордиевского, выждало, пока в посольство в Копенгагене не заехал «чистый» атташе, которого датчане должны были принять за его замену, и только после этого «на арену выпустили» меня. Была по всем правилам разыграна классическая комбинация, призванная якобы обеспечить безопасность моей работы, а на самом деле предназначенная в основном для соблюдения хорошей мины при плохой игре. Потому что легальный разведчик, если он по-настоящему занимается своим делом, примерно через три месяца после прибытия в резидентуру берётся под подозрение, а ещё через три-четыре месяца местная контрразведка ставит на нём однозначное клеймо шпиона, только не знает, чей он: из ГРУ или КГБ.

А дальше оперработник становится чрезвычайно уязвимым. Он превращается в объект изошённой охоты на волка, которого обладывают в логове, устанавливают режим и выслеживают на маршрутах передвижения (наружное наблюдение, агентура), расставляют красные флажки, ограничивая свободу его маневра (агентура в наиболее вероятных объектах интереса разведчика), оставляют на виду отравленные приманки (подставы), расставляют коварные капканы (женщины и другие виды провокации), создают шумовые эффекты (средства массовой информации) – одним словом, контрразведка любой ценой пытается создать для тебя невыносимые условия, во что бы то ни стало добыть неопровержимые доказательства твоей разведывательной деятельности, взять с полочным на встрече, чтобы дать весомые основания своему МИДу для объявления тебя персоной нон грата, то бишь нежелательным для страны иностранцем.

В моём же конкретном случае все эти «приличные манеры» поведения оказались излишними ещё и потому, что контрразведка поставила клеймо разведчика замене Гордиевского автоматически, независимо от сроков и способов этой замены. Причины были настолько же прозаичны, как и глубоко драматичны: Гордиевский к этому моменту стал агентом СИС.

...И вот ты уже в стране и ходишь всё время под «колпаком» у местной спецслужбы и всем своим видом стараешься ей показать, что все её подозрения для тебя просто оскорбительны. Если ты обнаруживаешь за собой слежку, то благодаришь судьбу и за это – значит, что-то ещё в твоей личности контрразведкой не разгадано, и у тебя есть шанс поработать на родное государство ещё какое-то время. Если «наружник» не стесняется зайти за тобой в банную парилку и с вежливой улыбкой перешагивает через твоё напрягшееся тело, то ты улыбаешься ему в лицо, как доброму знакомому, и мысленно возносишь молитву к Богу, чтобы он не наступил на твою любимую мозоль или ещё более дорогой орган тела. Ты старательно избегаешь на людях общения со своими коллегами и «приклеиваешься» к какому-нибудь «чистому» командированному, который с трудом терпит твоё присутствие. Ты строишь на скорую руку оперативные отчёты, чтобы «отписаться» к очередной диппочте, и нервничаешь из-за того, чтобы не слишком долго задерживаться в посольстве, потому что у «чистых» рабочий день уже закончился и они, обнимая одной рукой пополневший стан

¹³ ПЭТ – контрразведка Дании.

супруги, а другой – стакан с пивом, уже давно валяются на тахте и смотрят по телевизору шоу с участием любимца публики Тома Джонса. Ты соревнуешься с «чистым» дипломатом в том, кто чаще встречает и провожает делегации из Союза и выполняет другие поручения посла, – ты лезешь из кожи, чтобы доказать свою добропорядочность.

И контрразведка, если у неё ещё не накопилось против тебя достаточно улик, делает вид, что верит тебе. А ты делаешь вид, что веришь, что она верит тебе.

Пребывание за границей требует большой специфики разведывательной работы.

...На пути к Копенгагену – я имею в виду буквально железную дорогу, которую я выбрал в качестве средства доставки к месту работы, – меня подстерегал неприятный сюрприз. В Восточном Берлине прямой копенгагенский вагон, который обычно цепляли к так называемому среднеевропейскому экспрессу, был в очередной раз забракован местными железнодорожниками и для дальнейшего путешествия признан непригодным. Проводники вагона посоветовали мне, не мешкая, перебраться в указанный экспресс, заверив, что приобретённый в «Метрополе» железнодорожный билет для этого годится.

Перебраться нужно было на соседний перрон, но для этого мне надо было воспользоваться подземным переходом, что при наличии багажа мест в десять – двенадцать представлялось весьма трудоёмким делом. Я приступил к перебазированию в одиночку и когда с подгибающимися коленками наконец перетащил последний чемодан, среднеевропейский «красавец» «Митропа» уже собирался покинуть Восточный вокзал. Пришлось в спешке забрасывать вещи в первый попавшийся вагон. Им оказался почему-то вагон с сидячими местами, так что из Берлина до Копенгагена я ехал в «комфортабельных» условиях подмосковной электрички.

Грязный, невыспавшийся, с ломотой во всех членах, я прибыл на Центральный вокзал Копенгагена и, слава богу, был встречен там третьим секретарём Валентином Ломакиным! В посольстве получили информацию о том, что наш вагон задержан в Берлине, но правильно предположили, что я всё-таки найду способ прибыть к месту дальнейшего прохождения службы без опозданий.

Поезд вполз под огромный дебаркадер Центрального вокзала, и какая-то незримая атмосфера нового и неиспытанного коснулась меня, как только я вылез из душного «митроповского» вагона. Эту незримую атмосферу я почувствовал органами обоняния. Замечали ты, дорогой читатель, тот особый синтетический запах, который встречает тебя сразу по прибытии за границу? Кажется, что ты попал в огромную парикмахерскую, наполненную лёгкими, еле обоняемыми ароматами духов. Переход от нашей родной «кислой» гаммы запахов к их особенно резок при пользовании самолётами – его можно ощутить с закрытыми глазами и ушами.

Время было раннее, воскресное. Вокзал был пуст, за исключением нескольких личностей кавказского типа, которые бесцельно слонялись по перрону, убивая время.

– Турки, – прокомментировал Ломакин и стал грузить мои вещи на тележку.

К нам присоединился водитель посольского микроавтобуса, мы вместе выкатили тележку на привокзальную площадь, погрузили вещи и поехали в посольство. Там меня поселили в маленькой комнатухе на верхнем этаже флигеля, в котором обитали технические сотрудники с семьями. На первом этаже располагалась начальная школа, а в подвале – кооперативный магазинчик, помогавший советским заграничникам выживать в условиях чувствительного разрыва между их покупательной способностью и ценами на повседневные товары в городе. Мне предстояло прожить тут пару месяцев, пока не будет подобрана квартира в городе.

Начальство до конца выдержало линию на соблюдение конспирации и на первых порах приставило ко мне «чистого» дипломата Ломакина, чтобы у датских контрразведчиков не возникло «шалых» мыслей о моём настоящем «профессьон де фуа». В ту пору в моде было наставничество, и сразу по приезде в Данию я в лице Ломакина тоже получил наставника. Валентин отвечал за контакты с местным «Обществом дружбы с Советским Союзом». Он был не намного старше меня, но уже успел поработать пару лет в Дании и считался опытным работником внешнеполитического фронта.

По характеру осторожен, замкнут, женат.

В его задачу входило введение меня в курс датских культурно-политических событий и реалий и плавное подключение к коллективной работе посольства. Ломакин представил меня руководству общества, и под его наблюдением я стал делать первые робкие шаги на поприще укрепления дружбы Дании с Советским Союзом. Конечно, большинство активистов общества были коммунистами, но не все. Уже тогда мне бросилось в глаза, что средний возраст членов общества, как и в датской компартии, склонялся к шестидесяти годам, что давало пищу для размышлений. Конечно, не все симпатизирующие нам в те годы датчане состояли в обществе, но если среди активистов преобладали одни старики и коммунисты, то напрашивался вопрос: кто же встанет во главе этой организации через десяток лет?

При мне сменилось несколько руководителей общества. Когда я приехал в Копенгаген, его правление возглавлял Ингмар Вагнер, но в 1973 году его сменил семидесятивосьмилетний адвокат и общественный деятель Хермуд Ланнунг – можно сказать, легендарная личность. Благодаря своему колоссальному опыту и авторитету, он в значительной степени способствовал активности этой общественной организации, но в силу своего преклонного возраста с трудом уже справлялся со своими обязанностями. К тому же общество было у него не единственной общественной нагрузкой.

Хермуд Ланнунг – ходячая история нашего века. Родился он в семье датского помещика на острове Зеландия (впоследствии он будет называть себя «деревенским пареньком»), окончил провинциальную гимназию города Сорё, которая дала стране не одного политического и государственного деятеля. Главной особенностью этого датского Кембриджа было то, что уже в начале века там преподавали русский язык. Это и определило судьбу Хермуда.

В начале 1917 года в одной датской газете появляется объявление о том, что датской миссии в Петрограде требуется сотрудник со знанием русского языка. Студент юридического факультета Копенгагенского университета, не раздумывая, подаёт заявление в Министерство иностранных дел, и в марте 1917 года он уже гуляет по улицам революционной русской столицы, представляя, кроме датского МИДа, также и Датский Красный Крест. «Деревенский паренёк» из Зеландии становится свидетелем исторических событий в России, оказывается в самой гуще политических событий. Он закладывал ватой уши от выстрелов «Авроры», видел и слышал Ленина, представившего первый декрет советской власти о мире, ходил на Дворцовую площадь сразу после взятия Зимнего дворца революционными матросами, солдатами и рабочими и нюхал запахи разлитого ими на площади вина из царских подвалов.

В 1919 году Дания прерывает отношения с большевистской Россией, и Ланнунг возвращается домой. Но уже в 1922 году он появляется в нашей стране снова – на этот раз в качестве комиссара Миссии норвежского полярного исследователя, путешественника и гуманиста Фритьофа Нансена с целью оказания помощи голодающим. За два года работы Хермуд Ланнунг исколесил почти всю матушку-Россию, многое там увидел и пережил. В январе 1924 года он оказывается в Москве и как представитель нансеновской миссии участвует в похоронах Ленина, сопровождая гроб с его телом с Павелецкого вокзала и стоя в почётном

карауле в Колонном зале рядом с Крупской. Обо всём этом он написал в своей книге «Моя молодость в России».

В Дании Ланнунг вступил в радикальную партию, традиционно занимающую пацифистские позиции, и активно участвует в движении за мир и разоружение. В течение двадцати лет он неразрывно связан с деятельностью ООН – сначала как представитель Дании в ООН, а потом сотрудник её аппарата на должностях председателя различных комитетов и комиссий. За свою неустойчивую работу в интересах мира он награждён медалью ООН – случай чрезвычайно редкий в практике этой международной организации.

После работы в ООН, не прекращая общественно-политической деятельности, Ланнунг открывает в центре Копенгагене свою адвокатскую контору, и вот в этом качестве мне посчастливилось застать его в Копенгагене в 1970–1974 годах.

Хермуд Ланнунг вёл тогда дела Инюрколлегии – общественной организации при Коллегии адвокатов Советского Союза, созданной для оказания помощи советским гражданам, у которых за границей открывалось наследство от умерших родственников. Практически во всех странах Европы и Америки Инюрколлегия имела своих представителей в лице местной адвокатуры и исправно выколачивала деньги из-за границы. Наследственная масса в виде твёрдой валюты, за вычетом гонорара и накладных расходов адвокатов, поступала в советскую казну, а наследникам выдавался её эквивалент в рублях – опять же за вычетом налога и стоимости услуг Инюрколлегии.

Консульские учреждения Советского Союза выступали в качестве посредников между Инюрколлегией и иностранными адвокатами на местах. В консульском отделе посольства мне был сразу передан участок работы по линии Инюрколлегии, и я был представлен Хермуду Ланнунгу. Как только в стране открывалось наследство в пользу советского гражданина, к нему сразу подключался Хермуд Ланнунг. Он сообщал, какие формальности нужно выполнить для реализации того или иного дела – как правило, эти формальности ограничивались сбором и пересылкой в консульский отдел различных метрик с доказательствами степени родства советского наследника с умершим в Дании наследодателем, я уведомлял об этом Инюрколлегию, и та приступала к розыску наследника на обширных территориях Советского Союза.

Дела эти велись годами, но тем не менее большинство их реализовывалось – по пять-шесть дел в год, и консульский отдел с гордостью отчитывался о пополнении государственной казны энной суммой в валюте.

Х. Ланнунгу уже было под восемьдесят, но выглядел он достаточно бодро, не пропускал ни одного приёма в посольстве и своей сухонькой ручкой твёрдо держал стакан с джином и тоником. Чувствовалась большая дипломатическая школа! Небольшого роста, сухонький, осанистый, с седым чубчиком на коротко постриженной маленькой воробьиной головке, вросшей в плечи из-за приобретённой сутулости шеи, одетый в строгий тёмный костюм с галстуком, он важно восседал в адвокатском кресле, когда я приходил к нему в контору, или с той же значительной миной на лице и подчёркнутой значимостью своей персоны расхаживал по представительскому залу посольства. Казалось, что перед тобой важный и неприступный деятель.

Но всё это было чисто внешнее, навязанное обстоятельствами и условностями его бывшей деятельности. При разговоре его одухотворённое личико расплывалось в доброй сердечной улыбке, он приятно скашивал головку, смотрел снизу-сбоку-вверх на своего собеседника и начинал щебетать. Да, да, именно щебетать. С возрастом его голосовые связки утратили звонкость, и он шелестел-щебетал милым птичьим говорком, внимательно выслушивая своего визави и стреляя в него молодыми, не утратившими юношеского блеска цепкими глазками. Он так непринуждённо вёл беседу, что я забывал, что являюсь всего-навсего

каким-то атташе посольства, стоявшим на самой низшей ступеньке посольской иерархической лестницы, и чувствовал себя, по крайней мере, бывалым советником.

Ланнунг всегда старался говорить со мной на русском языке, которым он владел очень и очень неплохо. Он любил во всём точность и часто переспрашивал, словно начинающий студент, правильно ли выразил мысль.

Х. Ланнуг доказал, что можно питать к нашей стране самые тёплые и дружеские чувства, не являясь коммунистом. Как деятель буржуазной радикальной (либеральной) партии, он не мог согласиться со всем, что происходило в Советском Союзе, и откровенно высказывал свою точку зрения по тому или иному вопросу. Но ему удавалось делать это в такой деликатной, чисто датской манере, что его критика не была деструктивной или обидной. Он не получал никаких благ или преимуществ от дружбы с нашей страной, и потому его чувства были самыми искренними. Я не помню, чтобы кто-то из наших недругов в Дании попытался критиковать, укорять или ругать Ланнунга за его приверженность к России. Он был вне всяких подозрений.

Это был несомненно великий датчанин нашего времени.

Из-за того, что квартиры в городе у меня не было, я выехал в Копенгаген пока без семьи. Правда, консул Серёгин Анатолий Семёнович, мой непосредственный начальник, уже ушедший из жизни в конце перестройки, через свои связи в Большом Северном телеграфном обществе – в том самом БСТО, которое ещё в конце прошлого века, а потом и в 1920-х и 30-х годах активно помогало России и Советскому Союзу телефонизировать города, – довольно быстро подыскал крошечную двухкомнатку в рабочем районе Ванлесе, на расстоянии примерно десяти километров от посольства. Так что жена с четырёхлетней дочерью скоро присоединилась ко мне, и тыловое обеспечение для будущей активной работы было создано в срок.

Владение шведским языком не решало проблему полнокровного общения с местным населением, потому что датчане меня понимали, но моего шведского для понимания их устной речи не хватало. Пришлось срочно переучиваться и переходить на датский язык, для чего я воспользовался услугами всемирно известной школы Бёрлитца.

Посол Орлов, которого я имел честь лицезреть мимолётом в аэропорту Каструп в 1968 году, умер от инфаркта за несколько месяцев до моего приезда, и временным поверенным в делах СССР в Дании был советник Бондарь, человек добрый, незлобивый, с большим чувством юмора, умеющий ладить со всеми и исключительно опытный и осторожный чиновник. Он, казалось, был абсолютно лишён каких-либо амбиций, принципиально не вмешивался в дела как «ближних», так и «дальних» соседей и тихо, без надрыва вёз свой воз. Работать с ним было легко и приятно. Он по очереди проработал во всех странах Североевропейского региона, хорошо знал проблемы каждой страны и смешно разговаривал на «скандинавском» языке: акцент был полтавский, словарный запас – шведско-датско-норвежский, а мелодия – русская. Когда ему попадался «тупой» собеседник, до которого не доходила его тарабарщина, то он, с трудом сдерживая раздражение, прибегал к помощи немецкого, и тогда со стороны казалось, что школьный учитель отчитывает своего ученика за невыученный урок. Впрочем, такое случалось редко.

Я старательно следовал советам Вали Ломакина, постоянно вращаясь в кругу благожелательно настроенных датчан, друзей Советского Союза, накатывал с преподавателем километро-часы на горбатом «фольксвагене», в то время как мой шикарный «Форд-17М» сиротливо стоял в посольском дворе под навесом, и исправно посещал школу Бёрлитца, где один сердитый молодой человек, студент филологического факультета Копенгагенского университета, ломал мой неплохой шведский на непонятно какой датский.

По-датски говорить – два пуда соли съесть

Наличие «толчка» – одна из характерных особенностей фонетического строя датского языка. Он представляет собой короткий перерыв в воздушной струе при произнесении гласного за счёт смыкания или сильного сближения голосовых связок, после чего воздушная струя как бы выталкивается снова наружу.

Из учебника по датской фонетике

Для тех, кто не знает, хочу пояснить, что скандинавские языки (кроме, конечно, исландского и фарерского, которые в силу своей архаичности стоят особняком) очень близки по своему грамматическому и лексическому строю, например, как русский, украинский и белорусский, поэтому все скандинавы понимают друг друга, даже если они говорят каждый на своём языке.

Если попытаться датский и шведский языки разнести по разным полюсам, то норвежский окажется где-то посередине между ними. (Впрочем, с таким же успехом на разные полюса можно поставить норвежский и датский, чтобы между ними поместить шведский.)

Лингвисты, занимающиеся сравнительным языкознанием, при описании близких по строю и словарному запасу языков давно обратили внимание на то, что эта близость, как правило, совпадает и с соседством географическим. Они утверждают, что если медленно (то бишь пешком и с остановками на сеновалах) двигаться из одной страны в другую, то можно не заметить, что ты попал уже в другую языковую среду – настолько, оказывается, постепенно один язык «уступает» другому.

Таким образом, если начать движение из Дании, перебраться в Норвегию, а оттуда – в Швецию, то можно на всём пути общаться с местным населением, не обнаружив при этом, что ты разговариваешь не с Енсеном или Сёренсеном, а с Карлссоном. Никто ещё не проверил на практике, насколько правы лингвисты, но в голову приходит еретическая мысль: а зачем трудиться изучать все языки, когда достаточно знать хотя бы один?

Для иностранца, однако, владеющего каким-то одним скандинавским языком, общаться с носителем другого родственного ему языка на первых порах достаточно трудно. Поэтому мне пришлось переходить со шведского на датский¹⁴. До сих пор вспоминаю об этом не без содрогания. Могу с полной ответственностью утверждать, что овладеть этим языком в совершенстве, как это удаётся многим иностранцам при изучении английского, французского или итальянского языков, практически невозможно. В датском языке есть несколько звуков и особенностей произношения, которые делают эту сверхзадачу невыполнимой. Датский язык был четвёртым по счёту на моём пути, но я чуть не вывихнул язык (который во рту), пока более-менее сносно научился фонетически грамотно выражать на нём свои мысли. И понимать датчан я научился лишь ко второму году пребывания в стране. Кошмар!

Шутники утверждают, что если хочешь послушать, как звучит датская речь, то возьми в рот горячую картошку и попытайся говорить по-шведски. Получится похоже. Рассказывали, что после войны в Дании скрывалось много бывших нацистов, которые пытались выдать себя за местных граждан. Разоблачить их помогали лингвисты. Они предлагали произнести мнимым датчанам фразу «овсяная каша со сливками», и всё сразу становилось ясно, что датчане из них получились такие же, как из козлов пианисты.

¹⁴ Потом, когда я научился понимать датчан и норвежцев, шведскому языку больше не изменял. Я говорил по-шведски, собеседники – по-датски или по-норвежски, и мы отлично понимали друг друга.

Владеющие немецким языком хорошо знакомы с таким лингвистическим явлением, как твёрдый приступ (Knacklaut) в начале слова, начинающегося с гласного звука. Освоить твёрдый приступ в немецком языке в общем-то не представляет больших трудностей – кряхтеть русские могут вполне прилично. А вот явление «стёдет» в датском языке практически невыполнимо для иностранцев: это твёрдый приступ в конце слова, оканчивающегося на гласный звук. Сколько ни бились со мной в школе Бёрлитца, вместо «стёдета» я производил только противное побряхтывание, характерное для человека с плохим стулом. Я не был честолобив до такой степени, чтобы убиваться из-за какого-то «стёдета», и в конце концов решил обходиться без оного. Смысловая нагрузка, которую несёт этот толчок-стёдет, в ходе долголетней практики общения с датчанами вроде бы не страдала.

В силу слабости характера...

Предатель В. Пигузов, воспитывавший молодые кадры для разведки и продававший их прямо на корню американскому ЦРУ до того, как они заканчивали спецшколу, написал нечто вроде диссертации на тему: «Некоторые вопросы лингвистического обеспечения встреч с иностранцами». Предатель владел одним английским языком, и тем, говорят, через пень на колоду. Думаю, что с его расстрелом несколько поторопились. В качестве наказания за измену я бы заставил его до самой смерти «лингвистически обеспечивать» встречи с датчанами.

Ближе к делу

*За всё благодарю я Бога!
Теперь судья мне Он один!
Везде мне скатертью дорога,
И сам себе я господин.*

М. А. Дмитриев

Проницательный читатель наверняка уже заметил, что я как-то бочком обхожу вопрос о тех прелестях Копенгагена, которые произвели на меня при первом с ним свидании неизгладимое впечатление. Мною тогда владело эдакое восторженно-радушное настроение, и я даже воспользовался тургеневскими и андерсеновскими образами для того, чтобы точнее описать моё тогдашнее умонастроение. Кстати, именно первое впечатление о стране оставляет самый глубокий след.

Что ж, должен признаться, что поэзия краткосрочных загранкомандировок не идёт ни в какое сравнение с прозой длительных. Во-первых, наслаждаться достопримечательностями в ДЗК некогда: нужно устраивать свой быт, начинать работать, ходить по магазинам, экономить, выяснять отношения в советской колонии, ходить на собрания, то есть жизненная установка здесь принципиально иная. Во-вторых, тобой овладевает определённая инерция (проистекающая из первого объяснения), согласно которой мы не очень-то торопимся сходить в Третьяковку или Большой театр в Москве. А зачем? Всегда успеется. Вот эта занятость, ежедневная загруженность, усталость и инерция, к сожалению, не создают того благоприятного фона, на котором происходят короткие набегі на заграницу.

...А между тем я постепенно расправлял крылышки и осторожно стал выходить «на люди» – резидент разрешил предпринимать целенаправленные шаги по заведению полезных связей. Это совпало с завершением занятий по вождению у датского преподавателя, и я мог наконец-то сесть за руль закреплённой за мной машины.

Всем дипломатам, впервые выехавшим в заграничную командировку, первые три месяца запрещалось самостоятельно передвигаться по городу на автомашине, а перед тем как сесть за руль, дипломат должен был сдать своеобразный экзамен по вождению посольскому шофёру-механику. В течение всего карантина я кругами ходил возле «моего» «Форда-17» и любовно сдувал с него пылинки.

Боже праведный, что это был за автомобиль! Синий, как датское весеннее небо, стройный, как арабский иноходец, сильный, как табун тех самых семидесяти лошадей, что были спрятаны под его капотом. Он весь сиял, сверкал краской и никелировкой, дурманил свежим синтетическим запахом и ждал, терпеливо ждал, когда же я сяду за руль. Каждый день я проходил мимо навеса, и сердце моё сжималось от тревожно-радостного ожидания. И вот спустя три месяца с момента прибытия в резидентуру «шеф» разрешил наконец взять застывшее оперативно-транспортное средство.

До сих пор я крутил руль автомобиля только в присутствии инструктора: сначала с дядей Борей в спецшколе на «Волге», потом с господином Хансенom на «фольксвагене». Совсем другое дело – остаться один на один с огромным лимузином в общем-то незнакомом городе.

Дело прошлое, и теперь могу признаться, что испытание карантином я не выдержал. При выезде из-под навеса я от перевозбуждения не обратил внимания на то, что «форд» стоял с резко вывернутыми колёсами, и когда я медленно тронулся с места, то его сразу повело

вбок, и по всему правому борту раздался характерный скрежет от соприкосновения упругой жести с грубой деревянной стойкой. Я похолодел от страха, но продолжал обречённо ехать вперёд, чтобы провести царапину от переднего крыла до заднего. Чувство стыда перед возможным свидетелем моего позора перевесило обуревавшее чувство неизгладимого горя, и я с царапиной на новеньком авто выскочил с посольского двора и направился к месту моего проживания в Ванлесе.

Как ни странно, после вышеописанного мелкого недоразумения всё пошло хорошо и гладко, и мне показалось мало тех десяти километров, которые отделяли Ванлесе от посольства, я позволил себе выехать на автостраду, ведущую в город Роскилле. Движение там было очень интенсивное. На оживлённом перекрёстке, пропуская встречные машины, двигающиеся нескончаемым потоком, я начал выполнять левый поворот, но замешкался, не успел воспользоваться паузой между жёлтым и красным светом и остался стоять посередине, загородив дорогу хлынувшему поперечному потоку транспорта. Датчане стали гудеть и выражать своё недовольство. Ничтоже сумняшеся я стал пятиться назад, но маневр был сразу прерван каким-то досужим джипом. Он прошёл своим рогатым металлическим бампером по задней стенке багажника и смылся по направлению к Роскилле. Когда я наконец завершил левый разворот, то мною владело настроение, близкое к самоубийству.

Домой вернулся в мрачном настроении. Общение с женой оптимизма не прибавили. Прошла бессонная ночь. На следующий день поделился своей бедой с коллегами, и они меня тут же утешили:

– Бери с собой пару «вискаря» и поехали познакомим тебя с Володей. Он у нас мастер на все руки. Шеф ничего не узнает.

Володя оказался мастером-жестянщиком с фигурой Гаргантюа и замашками Швейка, содержавшим небольшую мастерскую и постоянную клиентуру в основном из таких же, как я, бедолаг-дипломатов, нуждающихся в быстром ремонте автомашин. По рассказам, Володя был потомком русских эмигрантов и через пень-колоду говорил по-русски. Он бросил беглый взгляд на повреждения и сказал, что на следующий день всё будет готово. Говорил Гаргантюа-Швейк таким писклявым голосом, какой обычно бывает у кастратов, и я невольно подумал о том, не исполняет ли он одновременно и должность главного надзирателя в каком-нибудь подпольном копенгагенском гареме. Я прошёл с ним в маленькую конторку и «выгрузил» на стол две бутылки «Вани-пешехода»¹⁵. Володя-жестянщик тут же переместил их в шкафчик и запер его на ключ. Он подмигнул мне правым глазом: мол, всё будет «хоккей» – и взял у меня из рук ключи от машины. Никаких документов на ремонт он, естественно, оформлять не стал.

Забегая вперёд, скажу, что этот удобный сервис, который Володя любезно предоставлял некоторой части дипкорпуса под страхом наказания со стороны полиции и налоговых властей, стал со временем довольно дорогостоящим предприятием. Датский Швейк вошёл во вкус (вероятно, сказала всё-таки русская натура!) и повысил таксу за нелегальный ремонт до пяти, а к концу моей ДЗК и до десяти единиц вышеуказанного алкогольного изделия.

Ещё одной колоритной фигурой, скрашивавшей однообразный быт советской колонии в Дании, был Оскар. Он арендовал часть огромного озера рядом с городом Фреденсборгом, летней резиденцией королевской четы, куда заядлые рыбаки посольства, в том числе посол, часто выезжали на отдых. Оскар за символическую плату выдавал рыбакам лодку, а если улов у них был никудышный, то и снабжал из своего личного садка рыбой.

Оскар был добродушнейшим человеком, настоящим эпикурейцем, большим любителем поговорить «за жизнь», порассуждать о природе вещей или покритиковать глупых пра-

¹⁵ То есть «Johnny Walker».

вительственных чиновников в Копенгагене. Он часами рассказывал о том, как он, участник Сопротивления, в годы немецкой оккупации Дании обманывал «фрицев» и какие опасные задания ему давали подпольщики. Одна из комнат в доме Оскара была увешана охотничьим и боевым оружием, и он иногда выносил какой-нибудь «манлихер» и, как ребёнок, забавлялся с ним, прицеливаясь в пролетающую галку и звуком «паф» изображая мнимый выстрел. В нём было что-то от Тараса Бульбы и от деда Щукаря одновременно.

В один прекрасный день Оскар перестал брать деньги за предоставляемые традиционные услуги и перешёл к сбору натурального налога. Думается всё-таки, что на эту мысль натолкнули его сами клиенты, которым было дешевле расплачиваться с ним спиртным, покупаемым по дипломатической скидке, чем деньгами, которых им платили не так уж и много. (Достаточно отметить, что водитель троллейбуса в Копенгагене получал в месяц больше, чем советский посол.)

К Оскару стали ездить не только и не столько рыбаки, сколько любители рыбных продуктов. Он стал отлавливать сетями большие партии шук, лещей, налимов, угрей и продавать их за «бутылки». Скоро у него на полках образовались целые батареи аквавита – Оскар был в этой части большой патриот и пил только датскую водку. В качестве подарков он не брезговал и виски, джином или русской водкой, но за рыбу просил ольборгский¹⁶ напиток. Со временем Оскар наладил продажу копчёностей, птицы и мясных продуктов. Особым спросом у советских гурманов пользовался копчёный угорь, который он отлавливал в своём озере и отдавал коптить в Хельсингёр – тот самый город, где, по легенде, происходили действия, описанные в шекспировском «Гамлете». Угорь был действительно королевским: он весь лоснился от жира, был подрумянен, вкусен и толст, как удав средних размеров.

Оскар хорошо изучил спрос русских на продукты и заранее готовился к их приезду.

– Вилль ди ха оль?¹⁷

– Йес.

– Битте шён¹⁸. А рапп-рапп-рапп? – Так Оскар предлагал мороженных уток. – Едда? Аборре?¹⁹

Закончив торг, Оскар делал широкий жест и приглашал гостя к себе в дом. Он усаживал его за стол и предлагал на выбор аквавит или пиво с орешками. После этого начиналась беседа, затягивавшаяся не на один час, особенно если его русский собеседник хоть немного понимал и говорил по-датски. Если гость нравился Оскару, он вызывал свою экономку, полуглухую и полуслепую старуху, и заставлял её приготовить горячее – обычно оленину, которую ему поставлял зять из Ютландии.

Каких-либо наклонностей за ним замечено не было.

Скоро я получил хоть некоторое представление о стране пребывания, и помог в этом Геннадий Фёдорович Попов, заместитель ПзГэ, прибывший в Копенгаген в краткосрочную командировку для «оказания помощи на линии». На самом деле необходимости в такой помощи я не испытывал – просто для руководящего состава Службы существовали плановые ежегодные поездки за границу, чтобы не позабыть, как она выглядит.

Многим моим коллегам в течение всего срока ДЗК так и не удалось выбраться за пределы Большого Копенгагена или, в лучшем случае, острова Зеландия. Путешествовать по стране в то время могли послы, в крайнем случае резиденты и сопровождающие их лица, да и то при наличии убедительных мотивов.

¹⁶ Водка «Aalborg».

¹⁷ Хочешь угря? (дат.)

¹⁸ А пожалуйста (нем.).

¹⁹ Щуку? Окуня (дат.).

Так что мне здорово повезло, потому что ГэФэ, переговорив с резидентом, быстро справился со своими служебными поручениями и выразил пожелание совершить небольшую экскурсию по Дании. Естественно, сопровождать моего начальника должен был я.

Мы выехали на юг, спустились до крайней точки острова Зеландия, в городе Вордингборге, сели на паром и вышли на плоскую землю острова Лолланд-Фальстер, пересекли её с востока на запад, в городе Накскоу опять сели на паром, переплыли на остров Лангеланд и в местечке Рудкёбинг остановились на ночёвку. Наутро мы по мосту переехали на остров Фюн, главную житницу и оплот фермерского консерватизма Дании, пересекли его с юга на север до города Богенсе, вернулись в главный город острова Оденсе, а оттуда тронулись в обратный путь. В городе Нюборге опять сели на паром, пересекли пролив Большой Бельт и в Корсёре снова ступили на землю Зеландии.

Дания – островная страна. Она занимает более 400 островов, на 90 из которых живут люди. Следовательно, вопросы сообщения между собой встали перед датчанами не сегодня. Главным средством коммуникации является паром. Паромы используются самые разные: от примитивных, бестрюмных, которые работают на малых переправах, до огромных современных красавцев, перевозящих в своём чреве железнодорожные составы и автомобили через Большой Бельт, через границу в ГДР или ФРГ.

Удивительно слаженно и чётко работают эти паромы! За считанные минуты в просторные трюмы въезжают десятки и сотни автомашин, и не успеешь подняться из машины на палубу, как он уже отошёл от причала и на приличной скорости режет форштевнем воду.

Во время этой поездки я впервые столкнулся с другим датским феноменом – наличие в стране огромного количества замков. Пожалуй, ни в одной другой стране не приходится столько замков и дворцов на душу населения, сколько в Датском королевстве. Большинство их, несмотря на преклонный возраст, прекрасно сохранились до наших дней и составляют завидную культурную коллекцию. Ожесточённые войны и сражения, которые на протяжении веков вела Дания, в том числе и на собственной территории, почти не сказались на их состоянии. Разумеется, всё это стало возможным благодаря государству и отдельным частным лицам, не жалеющим денег на поддержание памятников старины в надлежащем состоянии.

Помню, в Вордингборге наше внимание привлекла старая полуразрушенная Гусиная башня, сооружённая в середине XIV столетия легендарным королём Вальдемаром Аттердагом. Дания в тот период находилась в экономической, военной и политической блокаде со стороны экспансивной купеческой державы ганзейских городов. Ганза безуспешно пыталась подмять под себя королевство Аттердага, а тот в знак презрения к германским «купчишкам» решил соорудить башню, вершину которой украсил фигурой гуся. Почему именно гуся? Да потому, наверное, что на немецком языке слово «гусь» и «Ганза» имеют один и тот же корень. Недаром Вальдемар Аттердаг сравнивал ганзейскую державу со стаей гусей. Ганзейцы намёк короля поняли, неоднократно пытались взять башню штурмом, но успеха в этом предприятии не достигли. Что ж, всему, видно, своё время. Спустя шесть с лишним веков никакие Гусиные башни уже не смогли сдержать мощный экономический натиск Германии, являвшейся хребтом Общего европейского рынка, и Дания была обречена на присоединение к этому «ганзейскому» в полном смысле сообществу.

Гусиная башня являлась частью средневекового бурга, воздвигнутого аж королём Вальдемаром Великим примерно в ту пору, когда на Руси княжили Владимир Мономах и его сыновья. От города-крепости остались одни руины.

Поразил наше воображение замок Эгескоу, который мы посетили специально, свернув с главной дороги на второстепенную. Замок является классическим образцом архитектуры эпохи рассвета Ренессанса, но главная изюминка этого туристского аттракциона состоит в другом: он построен на дубовых сваях прямо на воде. Замок состоит фактически из двух

зданий с двумя параллельными крышами. Он стоит в своём первозданном виде, не претерпев никаких изменений с момента окончания строительных работ в 1554 году. Замок окружает огромный парк с многочисленными аллеями, садами, цветниками, клумбами, растительными заборами и лабиринтами, оформленными в стиле рококо. Отдельные кусты пострижены в «скульптуры» различных птиц и зверей. Чувствуется, что эпоха Кристиана IV для страны была очень продуктивной с культурной точки зрения. Его с полным правом можно назвать королём-строителем.

В Оденсе нас больше всего интересовал сказочник Ханс-Кристиан Андерсен. Мы увидели в университетском парке большой памятник этой датской знаменитости и скромный даже по датским масштабам музей писателя, расположенный в крошечном домике в центре Оденсе на улице Ханс-Енсен-стрэде – в домике, в котором будущий писатель провёл свои детские годы. В двух-трёх комнатках музея выставлены предметы сохранившейся домашней утвари, несколько рукописей и прижизненных изданий сказок и очерков. Вся улочка, шириной в пять шагов, сохранена в том виде, какой она была при жизни молодого Андерсена? – игрушечные фахверковые, прилепившиеся друг к другу разноцветные с мезонинчиками домики под черепицей, с витыми лестницами внутри, в окошках герань или фарфоровые статуэтки, кое-где – круглые зеркальца в проёмах окон, через которые хозяйка дома, не высываясь наружу, удовлетворяет своё женское любопытство и узнаёт, что же происходит на улице.

Признаться, такая умеренность в почитании выдающегося земляка нас тогда неприятно удивила. Но таковы датчане: они не склонны создавать себе кумиров и рассматривают своих знаменитостей, не отрываясь от грешной земли. Но именно эта непритязательная обстановка в доме сказочника и вокруг него по-настоящему даёт хоть какое-то представление о той атмосфере, которая существовала в период написания им запавших в детскую память сказок о Дюймовочке, Оле-Лукойе, Снежной королеве и Оловянном солдате.

...В этих мирных сельскохозяйственных местах в своё время разыгрывались весьма драматические события. В 1657 году здесь появилось войско шведского короля Карла X. Начав кампанию против польского короля Юхана Казимира, отпрыска королевского рода Васа, дедушка Карла XII был вынужден её прервать, потому что в это время коварная Дания объявила шведам войну. Вообще-то объявление датчанами войны Карл X использовал в качестве предлога для того, чтобы выйти из неудавшейся войны с поляками и русскими, не потеряв престижа. Награбив в достаточном количестве серебра, золота, картин, статуй, гобеленов и т. п., шведы выступили в поход против датчан и скоро появились на южных рубежах Ютландии. Датчане ждали шведов и укрепили свою границу с Гольштинией, но шведское войско прорвало укрепления и беспрепятственно вошло в Ютландию.

Ранним утром 24 октября три шведские колонны двинулись на штурм датской крепости Фредриксодде на побережье Малого Бельта – первого препятствия на пути к острову Фюн. Южной колонне удалось преодолеть глубокий ров, подобраться к воротам крепости и подорвать их. Это решило исход двухчасовой битвы, и шведы одержали полную победу. Более тысячи датских солдат и мирных жителей пали при взятии крепости, около двух тысяч было взято в плен. Часть пленных присоединили к шведскому войску, что в те времена наёмничества было обычным делом.

Последний оплот Дании в Ютландии пал, но датчане оставались ещё не побеждёнными на своих островах, и датский флот неусыпно контролировал пролив Малый Бельт. К зиме Бранденбургское герцогство заключило оборонительный союз с Польшей, и внешнеполитическое положение Швеции значительно осложнилось. Карлу X нужно было во что бы то ни стало принудить Данию к капитуляции. Шведам был нужен сепаратный мир.

Но как преодолеть Малый Бельт?

Патовая ситуация получила разрешение в декабре, когда наступили сильные морозы и Малый Бельт стал покрываться льдом. Лёд связал датский флот и выстлал дорогу шведам на Фюн. В конце января шведская армия в полном боевом порядке ступила на ледовый мост и двинулась на восток. Лёд гудел и потрескивал под тяжестью артиллерии и лошадей, но держал. У самого фюнского берега шведов встретили датские войска, но в коротком бою они были рассеяны и обращены в бегство. Карл X, потеряв две роты кавалерии, которые в полном составе провалились под лёд и ушли навсегда в воду, овладел Фюном и вышел со своими солдатами на его восточный берег.

Но впереди был пролив Большой Бельт, который, по сравнению с Малым, представлял собой вроде бы непреодолимое препятствие. Однако шведам отступать было уже поздно. Ставка была сделана, и нужно было двигаться только вперёд. Высланные по побережью патрули скоро доложили, что для перехода пролива лучше всего подходит место напротив острова Лангеланд, у юго-восточной оконечности Фюна.

5 февраля шведы выступили в свой решительный поход в направлении Лангеланда. Под тяжестью людей, лошадей и артиллерии лёд треснул, и вода выступила на поверхность. Приходилось идти по колено в ледяной воде, ночью отдельные группы солдат попадали в промоины, но войско с пути не сворачивало. Оно выбралось на берег, маршем прошло через Лангеланд, таким же способом, как и ранее, преодолело водную преграду между Лангеландом и Лолланд-Фальстером и 8 февраля 1658 года ступило на зеландский берег. До Копенгагена оставалась какая-то сотня километров.

Ледяной поход был завершён. Карл X сделал рискованную ставку и выиграл. 26 февраля в городе Роскилле был заключён мир. Согласно его условиям, Швеция получила в своё владение провинции Сконе, Халланд, Блекинге, Бухюс, а также норвежский Тронхейм и датский остров Борнхольм.

Честолюбивому шведскому королю эта победа показалась недостаточной, и через полгода он нарушил перемирие с датчанами, чтобы «раз и навсегда решить северный вопрос», то есть уничтожить Датское королевство и утвердить шведское господство во всей Скандинавии. Шведское войско осадило Копенгаген.

Датчане похолодели от страха – слишком хорошо они почувствовали на себе все «прелести» бесчинств шведской солдатни. Нужно отдать должное датскому королю Фредрику III: он мобилизовал своих подданных на оборону страны, призвал на помощь немцев, бранденбуржцев и поляков. Скоро в проливы вошёл также и голландский флот и снял осаду с Копенгагена. Февральской ночью 1659 года Карл X Густав предпринял генеральный штурм датской столицы, но датчане отбили атаку шведов и удержали город. Война со шведами продолжалась более года, пока наконец в мае 1660 года в Копенгагене не был заключен новый мир, который в основном подтвердил условия Роскилле, но Швеция была вынуждена вернуть Дании Борнхольм и норвежскую губернию Тронхейм.

Накануне мира неожиданно скончался сам шведский монарх. Его наследнику, отцу Карла XII, было всего четыре года. В Швеции было установлено регентство, а это надолго отключило шведов от внешних активных действий и спасло Данию от их дальнейших посягательств. Но не надолго: и Карл XI, и его лихой сынок Карл XII попортят ещё много крови датчанам!

...Нам с ГэФэ при передвижении с одного датского острова на другой, естественно, не пришлось испытывать тех трудностей, с которыми в своё время столкнулся шведский король. Мы сделали большой крюк на север Фюна, чтобы лицезреть статую «Мальчика Пис», включённую в список туристских аттракционов городка Богенсе. ГэФэ очень настаивал на посещении этого местечка именно из-за «Мальчика Пис», которого он видел в оригинале в каком-то бельгийском или французском городе.

Мы долго колесили по улочкам городка, пока случайно не наткнулись на полуметровую ординарную гипсовую статуэтку этого мальчика, который, раскинув ручонки, писал маленькой струйкой на землю.

Разочарование было полное, особенно у ГэФэ. Он почему-то ожидал, что датская копия должна по всем параметрам превзойти оригинал, а когда он увидел то, что увидел, то... Одним словом, он молча сел в машину и стал ждать меня. Вместо мощного заключительного аккорда к своим богатым впечатлениям он получил хилую вульгарную струйку «пис».

Тридцать лет спустя после этого путешествия приходит на ум мысль: а не лучше ли было нам сделать крюк в Ютландии и посетить небольшой и сонный городишко под названием Хорсенс? Но нет, ни я, ни Гэ Фэ тогда и представления не имели, какие исторические связи протянулись от этого городка к нам в Россию. А жаль... В Хорсенсе, в самом центре Ютландии, кончили свои дни последние члены брауншвейгского семейства – дети племянницы российской правительницы Анны Леопольдовны и русского генералиссимуса, брауншвейгского принца Антона-Ульриха – принцы Пётр, Алексей и принцессы Екатерина с Елизаветой.

...23 сентября 1780 года из норвежского порта Берген курсом на Ютландию вышел линейный корабль «Марс». «Марсом» командовал 46-летний капитан Кристофер Люткен, отвечавший исключительно за навигационные вопросы. Все другие вопросы на корабле решал находившийся на борту камергер датского королевского двора, бывший генерал-адъютант графа Алексея Орлова при Чесменской битве, любимец петербургского двора, известный там под именем «датского красавца», Николай Теодор Плойарт. Ему была поручена деликатная и наисекретнейшая миссия взять на борт «Марса» в Бергене четырёх «высокопоставленных особ», тайно прибывших из Архангельска на корабле «Полярная звезда», и доставить их в Хорсенс.

Этому событию предшествовала целая череда драматических событий в России: дворцовый переворот в пользу дочери Петра Великого Елизаветы, лишение русского трона царевича Ивана VI (Иоанна Антоновича), арест всего брауншвейгского семейства и длительное заключение в разных тюрьмах, отделение от родителей царственного младенца Иоанна и помещение его в Шлиссельбургскую крепость под другим именем, неудачная попытка поручика Мировича освободить свергнутого царя из тюрьмы и гибель бедного Иоанна от пули стражника, смерть Анны Леопольдовны и принца Антона-Ульриха в Холмогорах, что под Архангельском, длинные переговоры Екатерины II с сестрой принца Антона Юлианой Марией, оставшейся вдовой на датском троне, и, наконец, тайное препровождение четырёх принцев и принцесс из Холмогор в Данию – из одного заключения в другое. Потому что Екатерина II, после долгих размышлений, разрешила наконец отпустить их к своей тётушке в Данию при условии полной анонимности проживания. Хорсенс, насчитывающий тогда около трех тысяч жителей, стал новой – датской – тюрьмой для бедных родственников датской королевы.

Принцессе Екатерине было 39 лет, Елизавете – 37, принцу Петру – 35, а младшему Алексею – 34 года. Из них только Екатерина родилась на свободе в Петербурге, её сестра была рождена в крепости Динамюнде под Ригой, а братья – в Холмогорах, в которых, не выходя за стены, они прожили с 1744 года. Любознательных читателей, желающих узнать подробности, отсылаю к книге Л. Левина «Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих» и к исследованиям норвежского журналиста-историка Бьёрна Братбака, здесь же хочу только упомянуть, что в Хорсенсе, на улице Сёндергаде, на деньги Екатерины II для «осколков» из брауншвейгского семейства было выстроено нечто вроде двора и тюрьмы одновременно. Ежегодно из Петербурга на счёт одного гамбургского банка на содержание хорсенского «двора», в который входили упомянутый выше Плойарт с супругой, несколько

камеристок, выбранных специально королевой Юлианой, и 44 слуги, переводилось 32 тысячи рублей. Так это длилось до 1807 года, пока не умерла последняя из «холмогорок» – принцесса Екатерина (в 1782 году умерла Елизавета, в 1788-м – принц Алексей, а в 1798-м – принц Пётр).

Королева Юлиана в одном из писем к Екатерине II заверяла: «Я постараюсь озолотить им цепи, насколько это будет возможным». Принцам и принцессам и в Дании так и не удалось осуществить свою давнюю мечту – просто погулять за городом по траве. Датская тётушка им в этом категорически отказала. В том же письме брауншвейгская датчанка сообщает своей цербст-анхальтской «товарке», что племянники, мол, жаловались ей, что «в нынешнем счастливом положении» они менее свободны, чем в Холмогорах. «Вот как сильна привычка на этом свете – сожалеют иной раз даже и о Холмогорах», – сочувственно ответила венценосная немка из Петербурга венценосной немке в Копенгаген.

Нужно ещё добавить, что наследниками всего имущества хорсенского «двора» стали датские короли.

Очень печальная история.

А я до сих пор вижу себя стоящим посреди небольшой, почти игрушечной, пустой площади в плотной провинциальной тишине городка Богенсе. Ни одного движения, ни малейшего звука не зафиксировали мои зрение и слух. Казалось, мы попали не в город, а взяли билет в театр на спектакль, для которого на площади была выстроена декорация из картонных одноэтажных домиков под черепицей. Но спектакль отменили, актёры и зрители, предупреждённые заранее, в театр не явились, и только мы с ГэФэ, русские туристы, не узнали об этом. Вот-вот появятся рабочие сцены и заберут с собой, вместе с волшебными лучами вечернего заката, и «Мальчика Пис», и нас, и эти ненастоящие домики и с придуманным, наверное, Андерсеном городком.

Спустя много лет мы с ГэФэ вспоминали о посещении Богенсе: он – с изрядной долей юмора, а я – с грустью. Мне было жаль, что взятые нами билеты на спектакль пропали и что я так и не увидел сцен из датской провинциальной жизни начала XIX века.

Чего я ожидал там увидеть, я не знаю до сих пор.

Наверное, что-то очень хорошее. А может быть, и не очень – типа приведенной выше хорсенской истории.

Ещё ближе к делу

Хотел бы похвалить, но чем начать, не знаю.
Г. Р. Державин

Нетерпеливый читатель может задаться вопросом: чего это автор то углубляется в мелкие детали, с жаром описывая каких-то статистов на своих оперативных подмостках, какими несомненно являются Оскар и Володя-жестянщик, то предаётся меланхолии по поводу какого-то провинциального городишки, то делает экскурс в историю? Где же ночные схватки в подворотнях с соперниками из ЦРУ и СИС? Где, на худой конец, леденящие душу донесения агентов из штаб-квартиры НАТО? Где вообще разведка, шпионаж, погони, слежка, кинжалы, пистолеты и плащи?

Не спеши с выводом, дорогой читатель. Во-первых, вся наша жизнь проходит в окружении статистов. А во-вторых, эти маленькие эпизоды позволяют перейти мне к некоторым философским обобщениям, которые могут пригодиться для любого русского, путешествующего за границей. И в-третьих, вернитесь к предисловию и вспомните, что ничего подобного я вам не обещал.

Именно статист-обыватель в высшей степени является выразителем сущности нации. Общение с людьми чиновными и высокопоставленными не всегда продуктивно с точки зрения познания менталитета и особенностей людей, населяющих страну пребывания, ибо они не всегда могут быть искренними с советским дипломатом и, как правило, заражены либо духом космополитизма, европейского превосходства, либо ещё какими-нибудь предрассудками по отношению к нам, иностранцам, а к русским – в особенности.

А история помогает лучше понять современное состояние нации.

Датчане – небольшой народ, но именно это обстоятельство объясняет, почему каждый отдельно взятый её представитель так болезненно относится к тому, как его воспринимают иностранцы. Представители большой нации могут позволить себе не беспокоиться по поводу того, как их воспринимают со стороны²⁰.

К сожалению, я не могу утверждать, что в среде наших заграничных работников не встречались люди, относившиеся к истории страны и местному населению без должного уважения. Я сталкивался с эпигонами от дипломатии, равно как и с эпигонами от разведки, для которых пределом мечтаний была работа, к примеру, в США или – в крайнем случае – в Англии или Франции. Дания, Швеция или там Греция воспринимались ими как оскорбительная ссылка. Помните Маяковского? И прочие разные шведы... Хотя такая разборчивость некоторых из них мне по-человечески понятна: в больших странах большие резидентуры и большой размах работы, а значит, и более благоприятные условия для того, чтобы быстрее проявить себя и в хорошем смысле слова сделать карьеру. К сожалению, среди этой категории было много и таких, для которых США и Англия были нечто вроде «роллс-ройса» или «шевроле», которым можно похвастать у себя в Москве перед задрипанными «москвичами» и «жигулями».

Глубоко уверен в том, что если ты едешь в страну работать (пусть не обязательно шпионить, а, к примеру, заниматься бизнесом, учиться или торговать), то должен если не полюбить местное население, то хотя бы относиться к нему с подобающей терпимостью. Иначе ты просто «пройдёшь по касательной», и всё своеобразие культуры, обычаев, порядков и мышления людей останется для тебя *terra incognita*, и ты можешь считать, что твоя командировка прошла впустую. И конечно же, надо не забывать соблюдать элементарное правило

²⁰ Исключение составляют, пожалуй, только русские.

не судить о стране пребывания со своей родной колокольни. Чтобы добиться успеха в чужой среде, надо попытаться завоевать её доверие, понравиться.

Прав был Честерфилд, когда говорил: *«Большинство искусств требует длительного изучения и усердия, но самое полезное из всех искусств – искусство нравиться – требует только одного – желания».*

А вообще-то мне, конечно, приходилось видеть и премьеров, и членов Кабинета министров, и известных артистов и политиков, и королеву Маргарет и её элегантного супруга, датского принца и французского графа де Монпезана. Не хочу сказать о них ничего предосудительного или негативного, но они были за пределами моего круга связей и потому большого интереса для меня не представляли. А потому особенно глубокого следа в моей памяти не оставили. Смею, однако, утверждать, что всеми ими владеют такие же мысли и страсти, какие сидят внутри каждого из нас, но их статус диктует им более строгие рамки поведения, нежели те, которые годятся для любого из их подданных и подчинённых. Это особенно верно для скандинавов, где высокое положение более обязывает, чем возвышает.

Кстати, о принце. Когда датская принцесса в начале шестидесятых достигла совершеннолетия, то она чисто по-современному решила свою личную проблему. По окончании гимназии она поехала отдыхать в Приморские Альпы и совершенно случайно встретила там своего принца, который был бедным, но порядочным графом. Их роман длился недолго, и скоро они сыграли свадьбу. Француз переехал в Амалиенбург, чтобы стать еле заметной тенью своей крупной и рослой супруги, напоминающей нам, русским, императрицу Елизавету Петровну. Тенью, потому что никакими правами на датскую корону он не располагает, даже если его супруга по каким-либо причинам перестанет быть королевой. В любом случае наследственными правами на трон будут обладать их общие дети. Граф де Монпезан, со своей стороны, не проявляет ни малейшего желания, чтобы как-то изменить своё положение, и живёт замкнутой жизнью, воспитывая своих детей и увлекаясь охотой.

Помнится, как-то в первый день Рождества я рано встал и поехал прогуляться с дочкой по центральным улицам города. На Бредгаде, расположенной в непосредственной близости от королевского замка, никого не было. Полубовавшись на Мраморный собор с его самым объёмным в Европе куполом и задержавшись на минутку у порталов русской православной церкви Александра Невского, я обнаружил появившегося из-за угла джентльмена примерно моего возраста, державшего за руки двух маленьких мальчишек. Подойдя поближе, я увидел, что мальчишки были зачарованы огромным заводным Санта-Клаусом, мчавшимся на сани с огромным мешком за спиной. В элегантно, но скромно одетом мужчине я узнал датского принца-отца, который, вероятно, воспользовался безлюдным часом, когда все подданные ещё спят беспробудным сном, переваривая в туго набитых желудках шинку, для того чтобы спокойно показать сыновьям праздничные витрины.

Мальчишки, судя по расстроенным выражениям, не хотели отходить от витрины до тех пор, пока отец не раскошелится на понравившуюся игрушку. Отец терпеливо объяснял наследникам датского престола, что магазин закрыт и что он обещает купить Санта-Клауса чуть позже. Поравнявшись с королевской семьёй, я сказал с русским акцентом «гу дэ». Принц как ни в чём не бывало раскланялся со мной с приветливой улыбкой на губах и ответил мне тем же «гу дэ», но уже с галльским прононсом. Так мы мирно разошлись: принц-отец потащил за руки своих принцев-наследников по направлению к королевскому дворцу, а я взял за руку дочь и повёл её в противоположную сторону.

Возможно, эта мимолётная встреча с русским дипломатом на улице каким-то образом повлияла на образование одного из этих принцев, потому что он выучил потом в совершенстве русский язык и неоднократно приезжал в Россию.

Король с удовольствием танцует в неофициальной обстановке.

Наш читатель, вероятно, мало наслышан про бывшую принцессу Маргарет, ныне королеву Дании. Её скромное поведение – ни тебе семейных скандалов, ни экстремистских выходов в политике – обеспечивает ей особое место в пантеоне коронованных и августейших персон нашего времени. Между тем она вполне заслуживает того, чтобы быть упомянутой не только на страницах данной книги. Как монарх она вносит свою незаметную лепту в стабильность и благополучие страны, живёт полноценной жизнью женщины и матери, наслаждается художественным творчеством, потому что наделена даром ценить искусство и творить его. Королева Маргарет является обладательницей незаурядного таланта художника и, в отличие от своих британских царственных коллег, отличается безупречным поведением.

Король по своим взглядам – убеждённый монарх.

В прошлом веке широко известный в Дании проповедник пастор Биркедаль очень часто заканчивал свои проповеди следующей молитвой:

– Господи, дай, если это возможно, нашему королю Кристиану IX датское сердце!

Жаль, что этот проповедник не дожил до наших дней. Он бы убедился, что нынешние наследники Кристиана IX, по всей видимости, вняли этому призыву. Они отлично понимают, в какое время царствуют, и поэтому предпринимают всё для того, чтобы укоротить дистанцию, отделяющую их от своих подданных. У них внутри не только датское сердце, но и датские печенька, желудок и селезёнка, и все они говорят по-датски, а не по-немецки или по-французски, а в своём быту предпочитают иностранному всё датское.

Да и Х.-К. Андерсен, вероятно, умилился бы при виде нынешних монархов, не вмешивающихся в жизнь датчан и старательно подчёркивающих на каждом шагу, что они такие же налогоплательщики, как все Енсены, Ларсены, Петерсены, Расмуссены и Якобсены.

А вообще-то полезно знать, что датский королевский дом – самый старый в мире! Уже в 500 году нашей эры на Зеландии и в Ютландии существовали два королевства. В 725 году утрехтский епископ посетил ютландского короля Агантиора и оставил нам описание его как человека «тверже камня и более дикого, нежели звери лесные».

В эпоху викингов у датчан над всеми возвышается король Сигфред, который на равных встречался с самим Карлом Великим, королём франков. Предводитель викингов Рольф, спасаясь от преследований датского короля то ли Хардекнуда Свенсена, то ли Горма Хардекнудсена Старого, в 911 году бежал во Францию и стал там править под именем Роберта, герцога Нормандии. Герцог был предком Вильгельма Завоевателя, который в 1066 году покорил Англию.

Горм Старый и является праотцом датского монархического гнезда. Нынешняя королева Маргарет II является потомком в пятом колене короля Кристиана IX и в тридцать втором колене – потомком Горма Хардекнудсена Старого!

Последнее время английский королевский дом сотрясают скандалы, и на обозрение широкой публики выставляется то грязное бельё одного её отпрыска, то другого. Трудно сказать, почему это бедствие посещает лишь английскую монархию – может быть, за то, что она предала Николая II? Как бы то ни было, но датский королевский дом достойно вступает в третье тысячелетие. Думаю, то, что произошло с британской принцессой Дианой, никогда и ни при каких обстоятельствах не случилось бы с датской.

Романтическое путешествие на остров Борнгольм

Я смотрел на остров, который неизъяснимой силой влѣк меня к берегам своим; тѣмное предчувствие говорило мне: «Там можешь удовлетворить своему любопытству, и Борнгольм останется навеки в твоей памяти».

Н. М. Карамзин. «Остров Борнгольм»

В мае 1970 года Европа торжественно и широкомасштабно отмечала четверть века с момента окончания Второй мировой войны. Датские политики, комментируя это событие, пересказывали нам натовскую точку зрения на него, пытаясь убедить в том, что «пора забыть прошлое и перестать делить Европу на победителей и побеждённых». Они заявляли, что День Победы над Германией будет праздноваться в стране последний раз, и по этому случаю устроили невиданные до сих пор празднества. В Копенгаген съехались многочисленные делегации из бывшего союзнического антигитлеровского блока, были организованы встречи с ветеранами датского Сопротивления и масса других официальных мероприятий. Застрельщиками всех событий, естественно, оказались коммунисты, но и представители буржуазии и консервативных кругов Дании были вынуждены присоединиться к проводимым повсеместно мероприятиям: встречам, банкетам, возложениям венков на могилы, приёмам в посольствах, концертам и народным гуляньям.

Впервые удалось ощутимо и зримо почувствовать последствия сохранившегося за двадцать пять лет расслоения в датском обществе на «красных» и «белых», на антигитлеровцев и их приспешников, на бедных и богатых. Отсидевшие свой срок в концентрационных лагерях с возмущением шикали на какого-нибудь высокопоставленного полицейского, помогавшего в годы оккупации наводить немецкий порядок в стране и сидевшего теперь рядом с ними за столом. Нажившиеся на поставках мяса и масла германским войскам фюнские бароны кривили физиономии при виде активистов из Общества дружбы «Дания – СССР». Неприятие друг друга было вполне искренним, но достаточно сдержанным и пристойным. До драк, рукоприкладства и плевков в «морды лица» дело не доходило.

В предмайские дни посольство лихорадочно и напряжённо готовилось к торжествам. Все дипломаты были распределены по группам, каждая из которых отвечала за проработку и подготовку какого-нибудь вопроса. Меня, как консульского работника, включили в группу с условным названием «Память», куда вошли в основном сотрудники военно-морского атташата посольства. Кажется, впервые после войны МО СССР попыталось навести хоть какие-то справки о понесённых во время войны потерях и отыскать следы погибших и пропавших без вести.

Дания не была фронтовой страной в полном смысле этого слова, но некоторые военные действия всё-таки имели место на её территории. Во время высадки войск фельдмаршала Монтгомери на полуостров Ютландия германские войска почти не оказывали сопротивления и сдавались англичанам в плен целыми дивизиями. Волею судеб в Дании к концу войны оказались какие-то части РОА генерала Власова. Вот они-то и воевали с английскими войсками. Воевали упорно и обречённо, понимая, что помощи им ожидать неоткуда. Они попали в классическое окружение, которое им устроили в начале войны где-нибудь под Киевом и Минском танковые части Гудериана. Видно, им на роду было написано всё время попадать в котлы и в плен. Но в плен британцам «ютландские» власовцы решили не сдаваться, потому что боялись, что Монтгомери непременно выдаст их Сталину. «Томми» устроили им настоящую «молотилку», перемолов и смешав авиацией и артиллерией человеческую плоть с землёй.

Когда мы вместе с сотрудником атташата выехали в Ютландию, чтобы составить для себя хотя бы грубую картину захоронений русских на полуострове, то убедились, что эта задача нам не по плечу. Во-первых, потому, что датчане не очень охотно открывали перед нами свои архивы, а во-вторых, велись эти архивы в отношении погибших власовцев не так уж тщательно. Единственное, что отложилось у меня в памяти после этой поездки, так это большое число погибших – сотни, если не тысячи наших соплеменников остались гнить в песчаной почве Ютландии. Хоронили их датчане, и – нужно отдать им должное – отнеслись они к этому делу основательно и уважительно. Но захоронения проходили в спешке, полную информацию о личности русских солдат им получить, естественно, не удалось.

В те годы всем уже было известно, кто такие власовцы, но чувство щемящей жалости к рызанским, воронежским и псковским ребятам всё равно присутствовало. Кто знает, если бы не были бездарными в начале войны наши военачальники, подставлявшие своих солдат под немецкие танковые клинья, и если бы не было такого безобразного отношения к попавшим в немецкий плен, то ещё неизвестно (а вернее, известно), какой могла быть судьба сотен тысяч обманутых людей, лишившихся родины.

Учёты могил по соответствующим церковным приходам сохранились, но составлялись они на основании попавших в руки датчан личных документов погибших, а хоронившие не всегда владели немецким или русским языками. К моменту нашего появления на кладбищах холмики с могилами власовцев стали уже зарастать травой и постепенно исчезать с поверхности земли. Нужна была целая экспедиция архивных работников, чтобы описать всех погибших и установить их личности.

Когда майские торжества завершились, о погибших в Ютландии солдатах РОА просто-напросто забыли. Да и что тут сетовать, где искать виновных, если нашей памяти и уважения зачастую не хватает не только на предателей, но и на настоящих героев?

На востоке же Дании оставили свой след солдаты Советской армии. Дивизия генерала Ф. Ф. Короткова освобождала от немцев остров Борнхольм – самую восточную часть Дании, примечательную в основном тем, что здесь родился и жил известный пролетарский писатель Мартин Андерсен Нексё («Дитте – дитя человеческое»), имя которого теперь носит небольшой посёлок острова, и что на этом рыбацьем в основном острове ловят и по-особому коптят «бёклинга» – борнхольмскую то ли селёдку, то ли салаку.

Генерала Короткова сейчас мало кто у нас помнит, а в послевоенные годы он был хорошо известен и в Норвегии, и в Дании. Так уж получилось, что его дивизии пришлось освобождать северные районы Норвегии от горных егерей генерала Дитля – отборных частей германского вермахта, прославившихся успешными боевыми действиями против англичан на Крите и в Нарвике. Состоявшая на первых порах почти из одних ополченцев, дивизия Короткова первой на Карельском фронте получила звание гвардейской, первой приняла на себя удар корпуса Дитля, остановила его на подступах к Мурманску, три года на скалистых сопках тундры держала оборону, а когда пришло время наступать, первой устремилась вперёд в норвежские фьорды, десантировалась на берег у Киркенеса и освобождала губернию Финнмарк.

Сам генерал Коротков, по свидетельствам очевидцев, внешне мало походил на героя – невысокий, сухонький, безусый офицер даже не выглядел по-гвардейски. Писатель Геннадий Фиш, в прошлом фронтовой журналист, написавший несколько книг о Скандинавии, вспоминает о том, как во время наступления коротковцев он с трудом отыскал штаб их дивизии и валился с ног, когда в штаб вошёл Коротков.

– Откуда? Как дела? Устал? На, выпей и ложись спать, – приказал генерал, протягивая Фишу полный стакан водки.

– Я не пью?

– Ты что – больной? – искренне удивился генерал.

Трудно сказать, почему генерал Коротков в Дании превратился в полковника Короткова, но отлично помню, что все в посольстве и в Копенгагене называли его именно полковником. То ли из-за пристрастия к алкогольным напиткам, которым на Руси подвержены все или почти все талантливые, неординарные личности, то ли из-за строптивости и непокорности начальству, то ли ещё по каким причинам, которые в те непростые времена и придумать не нужно было, чтобы «загнать за Можай», но на Борнхольм прославленная дивизия, вероятно, пришла с пониженным в звании начальником. Впрочем, уже после высадки на Борнхольм Ф. Ф. Короткову было возвращено генеральское звание – скорее всего, потому, что на остров собирался прибыть кронпринц Фредерик с супругой, и для его встречи звания полковника в Москве показалось недостаточным.

Весной 1945 года на острове скопилось тысяч полтораста гитлеровцев, бежавших из-под ударов Советской армии в Прибалтике и Польше. Отрезанные стремительно продвигавшимися к Берлину советскими частями, немцы морским путём уходили на запад. Но Дания и север Германии были уже заняты войсками союзников, поэтому единственным прибежищем для разбитых солдат и офицеров вермахта оказался Борнхольм. К весне 1945 года он буквально кишмя кишел деморализованными и мародёрствующими немцами.

Вполне понятно, почему выбор советского командования пал на Короткова и его дивизию. Кроме чисто воинских достоинств, коротковцы при освобождении Северной Норвегии получили опыт дипломатической и административной работы со скандинавами, а какие мысли относительно слишком удалённого от Копенгагена острова блуждали в голове у Сталина, можно только предполагать.

В то время, когда Гитлер с Евой Браун в бункере Рейхсканцелярии ходили вокруг импровизированного брачного алтаря, гвардейцы Короткова на импровизированных подручных средствах высаживались с десантных судов на остров. Слегка напуганные нашими бомбардировщиками и штурмовиками, немцы оказали им, в отличие от солдат РОА в Ютландии, слабое сопротивление. В коротких схватках дивизия потеряла девять или десять солдат и офицеров. Остатки Курляндской группировки Гитлера сложили оружие и сдались в плен. Началась оккупация Борнхольма советскими войсками.

Однако Борнхольму было суждено недолго оставаться под администрацией Короткова. Наши западные союзники «поднажали» на Сталина, и через несколько месяцев дивизия Короткова покинула остров. Дания полностью перешла под эгиду Запада. А в каменистой земле Рённе – главного города острова – так и остались лежать тела погибших при его освобождении наших земляков. Могилы перешли на содержание местных коммунальных органов, а представители советского посольства каждый год 9 мая приплывали из Копенгагена и возлагали на них венки.

К началу 1970-х годов, когда дух боевого сотрудничества союзников окончательно выдохся и над Европой навис жупел холодной войны, датские власти всё менее охотно стали предоставлять нашим дипломатам возможность посещать Борнхольм. На острове возникли инфраструктуры НАТО, в частности, была смонтирована мощная радиолокационная станция слежения за акваторией Балтийского моря и всем прилегающим побережьем, а также размещена датская воинская часть, и у коммунальных властей Рённе почему-то стал сказываться недостаток в средствах на содержание могил советских солдат. К моменту моего пребывания в Дании за могилами было поручено ухаживать на общественных началах одному датчанину.

...Тёплым тихим вечером 8 мая 1970 года наша группа, состоящая из четырёх человек: «чистого» второго секретаря посольства Толи Тищенко, будущего посла в Норвегии, двух сотрудников военно-морского атташата – военно-воздушного Кости Белоусова, военно-мор-

ского атташе (фамилию его запомнил) – и меня, на причале внутренней гавани Копенгагенского порта грузилась на борт парома «Борнхольм» для участия в церемонии возложения венков на могиле советских солдат в Рённе. В связи с 25-летием Победы датчане скрепя сердце разрешили советским дипломатам (и разведчикам!) посетить Борнхольм, но ещё раз подчеркнули нежелательность продолжения этой традиции в будущем.

У Тищенко своей машины не было, а военные, экономя на бензине, попросили моего шефа, чтобы я взял с собой в командировку закреплённый за мной и успевший побывать в стычках с другими машинами «форд».

– «Соседям» нужно кое-что посмотреть на острове, так ты помоги мужикам, повози их на своей машине, – напутствовал меня резидент А. А. Данилов.

Если бы я был более опытным и щепетильным работником, озабоченным своей карьерой, я бы, чтобы отказаться от такого «почётного» поручения, привёл в оправдание «железный» довод: какая же тут конспирация, если мне придётся вывозить на визуальную разведку разведчиков ГРУ? Я расшифруюсь, даже не приступив к своей оперативной работе! Но я был молод и неопытен, и пришлось согласиться удружить «дальним соседям» и дать им возможность «пожабить» глаза на натовские военные объекты, а мне – посмотреть, как они работают, как работает датская «наружка», и слегка пощекотать свои нервы.

Автомшины бригады наружного наблюдения Костя Белоусов «усёк» сразу, как только мы прибыли на Хаунегаде. Это были «фольксваген» и «форд» с копенгагенскими номерами. Они буквально подпирали меня сзади, когда я на своей машине заезжал в трюм парома, и по пятам ходили потом за мной в Рённе и его окрестностях. Они и вернулись вместе с нами в Копенгаген на том же пароме. Это была классическая демонстрационная слежка, и я внутренне был горд тем вниманием, которое датская контрразведка уделяла нашим скромным персонам. Такого «телячьего» восторга я потом уже больше не испытывал.

– Ну, Боб, принимай боевое крещение, – сказал бывший лётчик Белоусов своё ветеранское напутственное слово, кивая в направлении «фольксвагена» и «форда». Этот молодой подполковник ГРУ справедливо считал себя бывалым разведчиком и полагал необходимым опекать меня во время всей поездки. Капитан 1-го ранга, пришедший в ГРУ прямо с палубы или из трюма боевого корабля, сдержанно помалкивал и при дидактических упражнениях своего коллеги снисходительно улыбался. Тищенко делал вид, что его это всё мало касается. Впрочем, это на самом деле несколько его не волновало.

В Рённе утром 9 мая нас встретил адъютант военного коменданта острова и сопроводил до местного «гранд-отеля». После размещения в гостинице мои коллеги отправились в город наносить визиты: Тищенко – местному демиургу – губернатору Борнхольма, а «вояки» пошли к военному коменданту. Я на некоторое время был предоставлен самому себе и пошёл побродить по городу. Каменная кирха с кладбищем, несколько магазинчиков, ратуша с обязательной площадью, рыбацкие причалы, порт – и безбрежное море. Вот и всё, что представлялось взору. Провинциальность выглядывала из каждого дома и двора главной улицы борнхольмской столицы и сопровождала меня до номера в гостинице с громким названием.

Казалось, здесь мало что изменилось с момента посещения острова нашим писателем и историком Н. М. Карамзиным, побывавшим на Борнхольме почти двумя столетиями раньше. Н. М. Карамзин, возвращаясь из Англии в Россию на борту британского судна «Британия», плыл шестеро суток и изрядно измучился от приступов морской болезни, пока наконец корабль не бросил якорь в виду нелюдимого, обрамлённого неприступной каменной грядой острова. Судя по рассказу, судно подошло к Борнхольму с северной стороны, по выражению капитана, к месту дикому и опасному для кораблей.

Нашего славного земляка на остров неумолимо тянула тайна несчастной романтической любви, о которой он случайно узнал перед отплытием из Лондона, и вопреки предупреждениям капитана, он добился того, чтобы его свезли на шлюпке на берег. Он целую ночь

провёл в заброшенном замке и при весьма таинственных обстоятельствах разузнал-таки об этой страшной тайне, но наотрез отказался поведать её нам, пообещав сделать это как-нибудь в другой раз и в другом месте. Эту тайну он унёс собой в могилу, так и не успев выполнить своё обещание 1793 года, – помешала многотрудная работа над «Историей государства Российского».

Кстати, историк утверждает, что беседовал с борнхольмцами на датском языке, которому выучился в Женеве у своего приятеля некоего NN. Если это так, то делает честь и без того заслуженно знаменитому Карамзину.

Скоро со своих протокольных мероприятий вернулся оживлённый лётчик с моряком и пригласил меня «прокатиться» на моей машине по острову. Времени до возложения венков было достаточно. «Парадом», естественно, командовал лётчик. Он заранее выбрал маршрут и корректировал наше движение, заглядывая в истрёпанную туристскую карту Борнхольма, приобретённую, вероятно, ещё предыдущим поколением сотрудников атташата.

«Наружка» чётко взяла нас от самой гостиницы и вела всю дорогу, не делая каких-либо попыток маскироваться. Наш путь пролегал вдоль берега, и мы должны были по кругу против часовой стрелки объехать весь остров и вернуться через пару часов обратно в Рённе. Справа мы непрерывно видели голубое с белыми барашками море, в некоторых местах берег круто обрывался к воде и обнажал белую известняковую породу. Местность была пересечённой, и за холмами открывался вид то на одинокий хутор с постройками, то на возделанные угодья и мирно пасшееся на лугу стадо коров, то на какую-нибудь сельскохозяйственную букашку-машину, мирно ползущую по полю. Изредка небо протыкали шпили церквей или отдельно стоящих деревьев.

Я был полностью поглощён окружающей нас природой и машинально выполнял команды сидевшего на заднем сиденье лётчика притормозить, замедлить ход, остановиться или свернуть на посёлочную дорогу. У них в груди kloкотали шпионские страсти, им нужно было что-то сверить по карте, отметить на местности какие-то признаки каких-то военных объектов, остающихся для моих глаз невидимыми, а я наслаждался путешествием как турист. Ни цель, ни результаты этого визуального приключения меня не интересовали. В зеркале я постоянно видел знакомые силуэты автомашин копенгагенских контрразведчиков, но они только являлись украшением идиллической картины в виде борнхольмского ландшафта.

Эх, помчусь как Гипомах²¹, по гладкой асфальтовой дорожке! Когда ещё подвернётся случай сочетания приятного с полезным? Какой же русский не любит быстрой езды?²²

Движение по кругу рано или поздно предполагает возвращение в исходную точку. В Рённе мы все вернулись довольные. Нужно было торопиться на возложение, и в холле гостиницы нас встретил встревоженный Тищенко – обычно флегматичный и спокойный, как тюлень, – и сделал реприманд за опоздание.

Кладбище с могилами советских солдат располагалось на высоком холме рядом с церковью и занимало площадку не более 0,3 га, обсаженную по краям деревьями типа туи или кипариса. Могилы были ухожены, аккуратно обложены дёрном, надгробные плиты чисто вымыты, а весь комплекс украшал привычный для глаза типовой обелиск с красной пятиконечной звездой. С холма открывался живописный вид на море. Если отвлечься от вида солдат и офицеров в чужой униформе – комендант острова по сложившейся традиции выделил в почётный караул взвод солдат – и гортанной датской речи, то можно было бы подумать, что мы находимся где-нибудь на Смоленщине или Псковщине, отдавая дань павшим в боях.

При нашем появлении почётный караул стал вылезать из крытых грузовиков и под командой молоденького лейтенанта выстраиваться в шеренгу. У меня создалось впечатле-

²¹ История утверждает, что так греки называли боевых всадников.

²² Тот, на котором ездят, утверждает бывший начальник разведки Л. Шебаршин.

ние, что строевая подготовка не принадлежит к сильной стороне датской армии. Впрочем, жёсткая дисциплина и формалистика никогда не были в характере лукавых и слегка ленивых датчан. На «вольво» защитного цвета подъехал полковник – комендант Борнхольмского гарнизона и подошёл к нам, чтобы поздороваться. На каком-то непонятном лимузине пожаловал вице-губернатор – его босс оказался где-то занятым. Рядом с нами откуда-то возникла небольшая кучка датчан в гражданском – то ли живших поблизости зевак, то ли активистов местного Общества дружбы с Советским Союзом, то ли людей из свиты вице-губернатора.

Почётный караул наконец выстроился, взяв ружья на плечо. За ним заняли место военные музыканты. Наша группа во главе с Тищенко с заранее купленным венком направилась к обелиску. Датский полковник приложил руку к козырьку и замер в почётной позе. Послышались резкие слова команды, раздался сухой треск троекратного залпа из винтовок, спугнувшего с деревьев стаю галок. Возложив венок, мы вернулись к полковнику и стали рядом. Под звуки неизвестного датского марша караул торжественным церемониальным шагом прошёл по площадке и стал спускаться вниз, где у подножия холма стояли грузовики. Вся процедура заняла по времени не более пяти минут.

Официальные датские представители стали прощаться с нами и рассаживаться по машинам. Я вопросительно посмотрел на коллег. Что же дальше?

– Подожди, сейчас будет явление Христа народу, – загадочно произнёс Костя. Толя Тищенко при этих словах заулыбался. Мы с моряком изобразили фигуру вопроса.

В это время со стороны спуска, за которым только что исчезла свита вице-губернатора и коменданта, послышался характерный треск – кто-то с трудом, надрывая маломощный мотор, поднимался на мотоцикле. И действительно, над обрезом холма показалась одетая в крестьянскую шляпу голова, потом мощный крестьянский торс и, наконец, само транспортное средство, грубо нарушившее своим шумом и гамом овладевшее нами торжественно-приподнятое настроение. На крошечном кналлerte (по-нашему, мопеде) восседал, словно Санчо Панса на крошечном ослике, волоча ноги по земле, грузный пожилой пейзаж.

– Это Енсен, – узнал седока Тищенко.

Енсен въехал на площадку, утихомирив свой кналлерт и осторожно положил его на траву. Взяв шляпу в руки и смущённо теребя её узловатыми коротенькими пальцами, Панса направился к нам. Он остановился от нас в нескольких шагах, вежливо поклонился в сторону Тищенко и сказал «гу дэ» – «здравствуй».

Это послужило сигналом к торопливым действиям со стороны наших военных. Лётчик стал суетливо извлекать из своего портфеля бутылки с этикетками «Столичная» и «Московская» и передавать их Енсену-Санчо. Тот брал спиртное из рук «грушника» и молча рассовывал бутылки по карманам потрёпанного пиджака и брюк. Движения его были неторопливыми и уверенными – точно так русский мастеровой забирает у нас магарыч после какой-нибудь «халтурки» на даче. Когда наконец щедрая рука дипломата иссякла, Енсен поклонился, сказал «таккь», поставил на ноги своего ослика, пришпорил его как следует и, в знак признательности обдавая нас вонючим дымом, медленно сполз с холма.

Мы с моряком находились в полном недоумении относительно значения только что разыгравшейся на наших глазах немой и хорошо отрепетированной сцены. Именно отрепетированной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.